

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

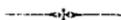
ЮАННО-ПРЕДТЪЧЕНСКАГО

ПЕРВОКЛАССНАГО

ЛЕУШИНСКАГО

ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

ЧЕРЕПОВЕЦКАГО УЪЗДА, НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ ДОПОЛНЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СВНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ

1907

175326

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

НАЧАЛЬНОГО ВОЗНИКНОВЕНІЯ И УСТРОЙСТВА ІОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКАГО ЛЕУШИНСКАГО НЫНѢ ПЕРВОКЛАССНАГО ЖЕНСКАГО ОБЩЕЖИТЕЛЬНАГО МОНАСТЫРЯ, НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ ЧЕРЕПОВЕЦКАГО УѢЗДА.

ГЛАВА I.

Первоначальное состояніе и населеніе мѣстности, гдѣ нынѣ находится Леушинскій монастырь.

Верстахъ въ 40 отъ города Череповца Новгородской губерніи, мирно расположена среди окружающихъ ее лѣсовъ, пустынная женская обитель во имя славнаго Предтечи Господня Іоанна. Не болѣе 30 лѣтъ тому назадъ мѣстность эта, на широкое пространство покрытая непроходимыми лѣсами, служила убѣжищемъ лишь для дикихъ звѣрей и злыхъ людей, занимавшихся здѣсь грабежами, преимущественно конокрадствомъ. Бѣжавшіе изъ тюремъ и изъ ссылки, безпаспортные бродяги здѣсь находили себѣ удобное убѣжище, такъ какъ положеніе этой мѣстности, составляющей юговосточный уголь Новгородской губерніи,

среди двухъ сосѣднихъ: Ярославской и Вологодской, весьма способствовало имъ: перебѣгая лѣсами изъ одной губерніи въ другую, они удобно укрывались отъ преслѣдованія властей и скрывали слѣды своихъ преступленій. Еще и по сіе время нѣкоторые изъ старожиловъ хорошо помнятъ и рассказываютъ о тѣхъ временахъ: сами они сознаются, что нѣкоторые изъ нихъ укрывали у себя въ зимнее время злодѣевъ, опасаясь ихъ мщенія, и даже способствовали имъ въ сбытѣ краденаго. Окрестные поселяне занимались, кромѣ земледѣлія, ковкою гвоздей и обжиганіемъ угля и жили всѣ сравнительно достаточно. Помѣщики этой мѣстности рѣдко посѣщали свои усадьбы; состоя на службѣ гдѣ-либо въ городахъ, они лишь изрѣдка навѣдывались сюда, и то лишь въ лѣтнюю пору и съ большими затрудненіями; дороги желѣзной (ближайшей на Рыбинскъ) въ то время еще не было, пароходы по рѣкѣ Шекснѣ еще не ходили,—приходилось ѣхать или на протяжныхъ судахъ, или же на лошадяхъ въ простыхъ телѣгахъ, ибо по такимъ дурнымъ дорогамъ нельзя было и думать о болѣе удобномъ рессорномъ экипажѣ.

Деревня Леушино, отъ которой и получили свое наименованіе устроившійся близъ нея (Леушинскій) монастырь, состояла съ небольшимъ изъ 200 душъ крестьянъ, частью государственныхъ, а частью принадлежавшихъ помѣщикамъ: Саблуковымъ, Остолоповымъ, Кривцовымъ и Глѣбовымъ. По разнымъ направленіямъ отъ Леушина въ древнія времена существовали многіе монастыри. Ближайшій изъ нихъ, на разстояніи 7-ми верстъ, въ Ярославской губерніи, Мологскаго уѣзда, былъ Златоустовскій, на мѣстѣ котораго въ настоящее время находится приходская Златоустовская церковь (село Роя).

Далѣе, верстахъ въ 15-ти, на другомъ берегу рѣки Шексны, той же Ярославской губерніи. Пошехонскаго уѣзда, на самой границѣ ея съ Новгородской губерніей, былъ монастырь Спаса, нынѣ Спасскій приходъ.

Въ 5-ти верстахъ отъ Спаса былъ небольшой мужской монастырекъ, отъ котораго и получилъ свое названіе, существующій нынѣ на мѣстѣ его приходъ, «Монастырекъ».

Верстахъ въ 12-ти отъ Деушина по эту сторону рѣки Шексны, Новгородской губерніи, Череповецкаго уѣзда, былъ монастырь извѣстный подъ именемъ «Досиѣевои пустыни», каковое наименованіе сохранила и по-нынѣ существующая на мѣстѣ его приходская церковь.

Далѣе, на разстояніи около 6-ти верстъ отъ Досиѣевои пустыни, находился монастырь Святителя Николая на берегу маленькой рѣчки Выксы. Этотъ монастырь былъ въ свое время знаменитъ и славенъ: тутъ жила въ заточеніи мать царевича Димитрія, Марія Нагая, посланная сюда въ 1591 году Борисомъ Годуновымъ послѣ убіенія царевича.

Наконецъ, въ самомъ городѣ Череповцѣ, бывшемъ прежде слободою, на мѣстѣ нынѣшняго градекаго собора былъ Воскресенскій монастырь. Всѣ эти монастыри съ теченіемъ времени упразднились; Никольскій Выксинскій монастырь сгорѣлъ и послѣ не возстановлялся, другіе монастыри упразднились по причинамъ, не объясненнымъ въ ихъ лѣтописяхъ. Вѣрнѣе всего, можно предположить, что со времени отобранія у нихъ принадлежавшихъ имъ крестьянъ и земель, средства къ существованію ихъ измѣнились, а среди такого грубаго и дикаго населенія другихъ источниковъ было недостаточно, и монастыри одинъ по одному пустѣли и упразднялись.

Но «неисповѣдимы судьбы Божіи, и неизслѣдованны пути Его»! Древніе монастыри приходили въ упадокъ и запустѣніе, между тѣмъ въ самой средѣ ихъ, какъ бы въ замѣнъ ихъ, подготовлялось мѣсто для новой обители, и при томъ такое мѣсто, которое по человѣческимъ соображеніямъ и взглядамъ казалось къ тому непригоднымъ. Если бы въ то время кто-либо сказалъ, что на этомъ мѣстѣ будетъ иноческая обитель, то слова эти показались бы смѣшною шуткою.

Но премудрымъ совѣтамъ Божія домостроительства о спасеніи людей обычно «изводитъ честное отъ недостойнаго» и наиболѣе проявлять «благодать Своего милосердія тамъ, гдѣ умножаются человѣческія неправды и беззаконія».

На разстояніи 1-й версты отъ деревни Леушина, далѣе въ глубь лѣсовъ, въ началѣ 70-хъ годовъ начала возникать женская обитель, служащая въ настоящее время въ полномъ смыслѣ духовнымъ украшеніемъ и источникомъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія своего края.

Отъ самаго начала своего она не перестаетъ являть на себѣ слѣды особаго Промысла Божія и благоволенія. Только Божіимъ благоволеніемъ могла возникнуть, возрасти и процвѣсти многолюдная и благоукрашенная обитель тамъ, гдѣ были непроходимые лѣса, топи и болота, при совершенномъ отсутствіи средствъ.

Часть земель и крестьянъ деревни Леушина, принадлежавшая помѣщикамъ Остолоповымъ по наследственной линіи перешла къ г-жѣ Вельсовской. Сама Вѣра Львовна Вельсовская не жила въ этомъ имѣніи, временно поручала его своему управляющему и, между тѣмъ, искала случая продать имѣніе. Въ это время въ городѣ Ярославѣ жилъ со своимъ семействомъ нѣкто

инженеръ-поручикъ Николай Николаевичъ Каргопольцевъ, состоявшій на службѣ по министерству путей сообщенія.

Около этого времени переселилась къ нему жить, только что овдовѣвшая мать его, генеральша Глафира Васильевна Каргопольцева. Разбитая многими скорбями и неудачами жизни, старушка искала успокоиться на закатѣ дней своихъ и неоднократно высказывала желаніе пожить гдѣ-либо въ деревнѣ, вдали отъ шумной городской суеты.

Слухъ о продажѣ усадьбы г. Вельсовской обрадовалъ ее; не болѣе ста верстъ отъ Рыбинска было это имѣніе, а между Рыбинскомъ и Ярославлемъ весьма удобное сообщеніе на пароходахъ по рѣкѣ Волгѣ. Самъ Николай Каргопольцевъ, поселивъ свое семейство въ Леушинѣ, могъ чрезъ водяное сообщеніе по рѣкѣ Шекснѣ (у самаго Рыбинска впадающей въ Волгу), нерѣдко навѣщать ихъ, а зимою и постоянно тамъ жить. Въ 1847 году г-нъ Каргопольцевъ купилъ имѣніе у г. Вельсовской и перевезъ туда свое семейство. Такъ какъ предмѣстники его сами не жили тамъ, то и дома помѣщичьяго не было, и Каргопольцевымъ пришлось поселиться временно въ деревнѣ у одного наиболѣе зажиточнаго изъ своихъ крѣпостныхъ; между тѣмъ, онъ занялся постройкою для себя дома въ одной верстѣ отъ дер. Леушина, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится монастырь, въ число построекъ котораго вошелъ и этотъ домикъ съ поновленіемъ его и переноскою на другое мѣсто. Въ настоящее время онъ занимаетъ юго-западный уголъ ограды, съ каковой стороны близъ ограды помѣщаются скотные дворы, почему и населенъ сестрами, завѣдующими монастырскимъ скотомъ.

ГЛАВА II.

Построеніе перваго храма, послужившаго началомъ Леушинской обители.

Деревня Леушино отъ ближайшей приходской церкви своей епархіи, села Досиѣевоѣ пустыни, отстояла на 12 верстѣ, притомъ дорога (нынѣ исправленная) почти недоступна была даже въ самое сухое лѣтнее время, а весною и осенью ее нельзя было назвать и дорогою; другая 8-ми верстная дорожка, проложенная кратчайшимъ путемъ чрезъ болото, была доступна лишь для пѣшеходовъ, но также не во всякое время года. При такомъ разстояніи отъ церквей своей епархіи, сообщеніе съ ними Леушинскихъ обитателей было почти совсѣмъ невозможно. Крещеніе новорожденныхъ младенцевъ отлагалось на нѣсколько мѣсяцевъ, пока не собиралось ихъ по нѣскольку вмѣстѣ, чтобы за одно совершать трудный путь. О говѣніи Великимъ постомъ въ своей приходской церкви, особенно когда бывала поздняя Пасха, нельзя было и думать; крестьяне, какъ извѣстно, всегда отлагаютъ исполненіе сего священнаго долга до послѣдней недѣли поста, который весь проводятъ въ своихъ зимнихъ уже оканчивающихся заработкахъ; а въ концѣ Великаго поста нерѣдко падаютъ и портятся и хорошіе пути, а не только такіе болотистые. Даже въ свѣтлый праздникъ Пасхи рѣдко приходилось Леушинцамъ бывать въ своемъ храмѣ. По этой причинѣ нѣкоторые изъ нихъ отдѣлялись самовольно отъ своего прихода и переходили въ другіе ближайшіе приходы, напримѣръ Ольховскій Новгородской епархіи и Златоустовскій Ярославской епар-

хн. Въ такихъ случаяхъ неизбежно возникали свои затрудненія. Сами крестьяне, хотя сознавали безыходность своего положенія, однакоже, по привычкѣ или по другимъ причинамъ, относились къ этому равнодушно; находились между ними даже такіе, которые не принадлежали вовсе ни къ какому приходу и по нѣсколькѣ лѣтъ не говѣли и совсѣмъ не ходили въ церковь. Такая холодность къ своимъ религіознымъ обязанностямъ весьма вредно вліяла на ихъ нравственность и даже на внѣшній образъ ихъ жизни.

Скорбное чувство по причинѣ отдаленности отъ храма Божія постигло и вновь прибывшихъ помѣщиковъ. Особенно сильно скорбѣла объ этомъ благочестивая старица Глафира Васильевна, искавшая своей утружденной душѣ покоя въ тишинѣ сельской жизни и отрады въ молитвѣ.

Часто изливала она свою скорбь въ слезахъ молитвы и въ бесѣдѣ съ сыномъ своимъ, но при такихъ условіяхъ и, при томъ, тѣхъ ограниченныхъ средствахъ, какими они располагали, что можно было сдѣлать или даже помыслить утѣшительнаго? Чѣмъ помочь?

Но Промыслъ Божій, пекущійся о спасеніи рабовъ Своихъ, давно уже приготовлялъ имъ «помощь отъ скорби» и направлялъ все къ осуществленію Своей воли. По срединѣ деревни Леушина, на перекресткѣ двухъ дорогъ издавна стоялъ большой деревянный осмиконечный крестъ; по какому поводу и когда онъ былъ первоначально поставленъ,—неизвѣстно; отъ времени онъ обветшалъ и подгнилъ и крестьяне порѣшили на мѣсто сего стараго поставить новый, сравнительно лучший и огородить его частоколомъ. Услыхавъ объ этомъ г-нъ Каргопольцевъ посоветовалъ крестьянамъ вмѣсто креста поставить лучше часовню. Крестьянамъ понра-

вилась эта мысль, они охотно согласились и тутъ же стали просить его написать прошеніе въ мѣстное Духовное Правленіе о разрѣшеніи имъ этой постройки. Возвратясь изъ деревни домой, помѣщикъ поспѣшилъ сообщить эту новость своей матери, надѣясь этимъ обрадовать ее. Онъ засталъ ее въ слезахъ, которыми не переставала она оплакивать свое духовное лишеніе. «Что-жь, и это хорошо» сказала она, «но, все же, часовня не храмъ, вотъ если бы храмъ выстроить!» Оба они нашли, разумѣется, это несбыточнымъ и разошлись въ безмолвной скорби. Между тѣмъ, въ сердцѣ каждаго изъ нихъ мысль эта нашла себѣ извѣстный уголокъ.

Они стали обдумывать, какъ бы осуществить ее и какъ бы приняться за дѣло. Помѣщикъ съ радостью готовъ былъ пожертвовать потребное для храма и кладбища при немъ количество земли, охотно пожертвовалъ бы лѣсъ для постройки, крестьяне со своей стороны съ полнымъ сочувствіемъ вызвались пожертвовать своимъ личнымъ трудомъ, остановка была лишь за средствами, безъ которыхъ нельзя было и подумать приступить къ дѣлу. При томъ же, самъ помѣщикъ, какъ незнакомый съ подобнаго рода дѣлами, не зналъ и недоумѣвалъ, какъ приняться за это дѣло и къ кому обратиться за разрѣшеніемъ. Между тѣмъ, нашлись люди, которые, по разнымъ причинамъ, не сочувствовали этому предпріятію и явились къ нему со своими совѣтами и предостереженіями отъ такого, по словамъ ихъ, страшнаго и недоступнаго предпріятія.

Въ виду такихъ предостереженій помѣщикъ Каргопольцевъ, хотя самъ по себѣ человѣкъ и предпріимчивый, не могъ не колебаться. Но Богъ, вложившій въ сердце ему такую благую мысль, Самъ совершалъ черезъ него Свое дѣло и благопоспѣшалъ его начинанію.

Слѣдуя совѣтамъ своего стараго знакомаго и уважаемаго отца архимандрита Варлаама, бывшаго въ то время настоятелемъ Кирилло-Вѣлосерскаго монастыря, помѣщикъ рѣшился дѣйствовать смѣлѣе, уповая на помощь свыше. Онъ подалъ прошеніе, подписанное всѣми крестьянами деревни Леушина, о разрѣшеніи приступить къ постройкѣ своего храма; уважительныя и весьма основательныя причины этого желанія были вполне выяснены, пожертвованіе земли помѣщикомъ и обязательства крестьянъ были указаны, упомянуто также и о совершенномъ отсутствіи средствъ, каковыя предполагалось собрать путемъ добротныхъ подаяній, для чего и спрашивалась сборная книга. И на чье же имя испрашивалась? На имя самой матери помѣщика, вдовы начальника округа, генеральши Каргопольцевой! Эта истинная, благочестивая христіанка, — не смотря на преклонность лѣтъ, на знатность рода, на нѣжность воспитанія, — не задумалась надѣть на плечи суму странницы, взять въ руки книгу сборщицы, идти по избамъ и лачугамъ, кланяясь и прося посильной лепты на построеніе храма у каждаго крестьянина, начиная со своего крѣпостного. Сколько труда, сколько скорбей и обидъ, сколько кровныхъ лишеній приняла она въ этомъ странствованіи! Крестьяне, слышавшіе уже толки объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, переговаривались между собою вслухъ въ ея присутствіи, что «вотъ подходитъ время паденія помѣщиковъ, и вымышленными предлогами сбора стали они собирать себѣ на черный денекъ». Много нужно было силы воли, еще больше самоотверженія христіанскаго, чтобы выносить этотъ тяжелый крестъ сборщика, вполне понятный лишь тому, кто самъ испыталъ его! Но если онъ тяжелъ и для всякаго, то каковымъ же

былъ для нея, при поименованныхъ условіяхъ? Обойдя многія села и деревни, нѣкоторые изъ ближайшихъ уѣздные города—Череповецъ, Мологу, Рыбинскъ, и не довольствуясь результатами своихъ трудовъ, она рѣшилась отправиться въ Петербургъ. Въ то время какъ мы упоминали, еще не было пароходства по рѣкѣ Шекснѣ, и почтенной старицѣ пришлось плыть на лодкѣ до самой столицы, куда влекла ее надежда большей пользы для предпринятаго святого дѣла. И дѣйствительно, тамъ нашлось больше усердствующихъ, да и самыя подавнія были болѣе значительны. Между прочими пожертвованіями тамъ она получила и безцѣнный даръ, святую икону Богоматери во имя Похвалы Ея, отъ Гатчинскаго купца Гавріила Михайловича Медвѣдева (родина его въ 20 верстахъ отъ Леушина).

Съ самаго дня появленія своего въ Леушинѣ, икона эта прославила себя чудотвореніями, и до нынѣ далеко чтима по всей окрестности и составляетъ первѣйшую священную драгоценность здѣшней обители.

Между тѣмъ какъ старица-мать трудилась по сбору, сынъ ея, помѣщикъ, неустанно трудился въ дѣлѣ самой постройки храма.

Въ 1860 году апрѣля 26-го въ самый день ангела генеральши Глафиры Васильевны, совершенно было освященіе мѣста, гдѣ предназначалось зданіе храма. Того же года октября 9-го была совершена закладка его во имя святаго славнаго пророка и Предтечи Господня Іоанна. Во время обоихъ этихъ священныхъ торжествъ, по свидѣтельству очевидцевъ и самихъ совершавшихъ священнодѣйствіе священниковъ, произошло одно и то же событіе, въ весьма хорошую сторону объясняемое народнымъ замѣчаніемъ: несмотря на осен-

нюю и весеннюю пору, въ оба эти дня погода стояла прекрасная, небо ясное, безоблачное, но какъ только священникъ начиналъ совершать крошеніе освящаемаго мѣста св. водою, въ оба раза проливался обильный дождь, смачивавшій всѣхъ, какъ говорится, «до нитки» и къ довершенію всеобщаго удивленія, лишь когда кончалось водоосвященіе и окропленіе, всѣ возвращались въ храмъ совершенно сухими. (Записано въ собственноручной записи храмоздателя). Самое сооруженіе храма совершалось довольно успѣшно, безъ определенныхъ какихъ-либо капиталовъ, на одни добротныя подаянія. Первая лешта на построеніе сего храма была отъ упомянутаго о. архимандрита Кирилловскаго Варлаама, въ то время бывшаго уже епископомъ Екатеринославскимъ. Благословеніе Божіе видимо споспѣшествовало зиждущимъ и вѣнчало труды ихъ. 1862 года іюня 17-го храмъ уже былъ освященъ, причемъ стоявшій во главѣ соборнаго служенія 6-ти священниковъ, о. протоіерей Череповецкаго собора Георгій Вознесенскій, сказалъ весьма приличное торжеству слово, начатое восклицаніемъ: «Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ! и наша пустыня узрѣла свѣтъ»!

Въ началѣ эта новосозданная церковь была приписана въ ближайшему (своей епархіи) селу—Досиеевой пустыни: но дальность разстоянія и затруднительность сообщенія, мѣшавшая прежде Леушинцамъ посѣщать Досиеевскую церковь служила теперь препятствіемъ для священника того села посѣщать Леушинскую церковь для совершенія въ ней Богослуженія. Кромѣ сего въ дни праздничныя и торжественныя очевидно невозможно было одному священнику удовлетворять оба прихода, изъ чего проистекало не мало неудовольствій. Желая устранить всѣ эти неудобства, по-

помѣщикъ К. предложилъ крестьянамъ деревни Леушино просить епархіальное начальство назначить къ новоустроенной церкви самостоятельный причтъ. При этомъ самъ онъ выразилъ готовность пожертвовать для причта, подъ его осѣдлость, пашню и покосы въ количествѣ 71-й десятины своей земли, а крестьяне обязались давать «ругу». Въ 1864 году по сему ходатайству опредѣленъ былъ къ Іоанно-Предтеченской церкви самостоятельный причтъ, состоящій изъ священника и псаломщика, обезпеченный пожертвованною помѣщикомъ землею, всѣми на первое время необходимыми жилыми и хозяйственными постройками, всѣми доходами за Богослуженія и требы и ругою отъ крестьянъ. (Всѣ эти жизненные условія остаются неизмѣнными для здѣшняго причта и по-нынѣ, хотя самая церковь съ ея приходомъ приписана къ монастырю, при ней устроенуся).

Казалось бы, благочестивымъ помѣщикамъ, послѣ такого благопріятнаго исхода всѣхъ ихъ добрыхъ предпріятій, оставалось, какъ говорится, «жить да радоваться», вкушая плоды своихъ трудовъ; но Богъ судилъ иначе. Состояніе Каргопольцевыхъ и вообще то небольшое, съ постройкою храма стало еще меньше: хотя частныхъ подаяній на построеніе храма было не мало, но нужды и потребностей его еще болѣе. Недостаточно было только соорудить храмъ, нужно было еще и снабдить его сосудами, книгами, облаченіями и прочею церковною утварью. Такъ или иначе, а начатое дѣло надо было доводить до конца.

Помѣщикамъ К. приходилось разставаться съ нѣкоторыми родовыми цѣнностями, чтобы пополнить недостатки храма и матеріальное благосостояніе Каргопольцевыхъ совсѣмъ разстроилось. Къ тому же, и по

службѣ своей помѣщикъ Каргопольцевъ получилъ новое назначеніе отъ Министерства путей сообщенія—въ Вышневолоцкій округъ Тверской губерніи.

Отваживаться продолжать свое усадебно-сельское хозяйство заглазно, тѣмъ болѣе при недостаточныхъ средствахъ, было рѣшительно невозможно. Лучшій исходъ былъ—продать усадьбу. Какъ ни тяжело это было для всего семейства, но дѣлать было нечего: государственная служба главы семейства К. не допускала отлагательствъ, и надо было собираться въ путь.

Все это по неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божія служило подготовленіемъ для начала будущей святой обители.

ГЛАВА III.

Начало обители (община) и первая ея основательница и начальница, монахиня Рыбинскаго Софійскаго монастыря Сергія.

Верстахъ въ 15 отъ села Леушина есть село Щетинское, Пошехонскаго уѣзда Ярославской губерніи. Въ этомъ-то селѣ и родилась та, которой суждено было быть орудіемъ судебъ Божіихъ для начальнаго устройства этой обители. Въ этомъ селѣ Щетинскомъ жили помѣщики Нефедьевы, люди богатые и добрые, но безчадные, о чемъ они очень скорбѣли; достигнувъ уже зрѣлыхъ лѣтъ и отчаявшись имѣть дѣтей, они рѣшились взять на воспитаніе чужое дитя съ пѣлью усыновить его и сдѣлать наследникомъ своего имѣнія.

Въ этомъ же селѣ Щ. было одно бѣдное многочадное семейство, мать котораго готовилась еще попол-

нить его. Нефедьевы объявили ей и ея мужу, что новорожденное ихъ дитя, будетъ ли оно мужскаго или женскаго пола, они намѣрены взять къ себѣ для означенной цѣли. Зная добродѣтель помѣщиковъ Н., бѣдняки. разумѣется, охотно согласились.—и вотъ—новорожденная крестьянская дочь Анастасія и сдѣлалась дочерью помѣщиковъ, въ домѣ которыхъ она выросла и воспиталась, какъ будущая наслѣдница ихъ имѣнія.

Но совѣты и предопредѣленія Божіи далеко отстоятъ отъ намѣреній и совѣщаній человѣческихъ. Анастасіи было лишь 17-ть лѣтъ; нареченные родители ея подумывали уже объ ея свадьбѣ, какъ вдругъ (это было въ холерный годъ) на одной недѣлѣ умираютъ оба они, оставивъ свою любимицу одинокою сиротою и безъ всякихъ средствъ. Можетъ быть, не предвидя таковой внезапной кончины, они не озаботились сдѣлать своевременно никакихъ бумагъ относительно ея усыновленія и и участія въ наслѣдствѣ, а, можетъ быть, бумаги эти были, но ихъ скрыли появившіеся родственники-наслѣдники. Но какъ бы то ни было, а только бѣдная дѣвушка Анастасія съ небольшою долей своего гардероба должна была возвратиться къ своимъ бѣднымъ родителямъ. Воспитанная въ нѣгѣ и покоѣ, она, очевидно, не могла раздѣлять нужду и тяжелые труды своей родной семьи. Да могла ли она даже и привязаться къ ней душой, когда по слуху лишь знала, что она ей родная, а по взглядамъ и понятіямъ была ей совершенно чужда? Сознавая безвыходную тяжесть своего положенія, Анастасія рѣшила удалиться изъ своей родной семьи и даже изъ своего села. Не выходя до сего времени изъ-подъ теплаго крова своихъ благодѣтелей, она рѣшилась пойти странствовать и прежде всего направилась въ Кіевъ, эту древнѣйшую російскую святыню. куда такъ много

стекается русскихъ паломниковъ. Оттуда, продолжая свой странническій путь, она обходила города и селенія, гдѣ была какая-либо святыня. что, разумѣется, стоило ей много труда и физическаго и нравственнаго. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда родителей уже не было въ живыхъ, пришла она въ свою родную Ярославскую губернію. Обходя здѣшнія святыни, зашла она между прочимъ и въ Югскую Дорощеву пустынь, въ богатый и знаменитый мужской монастырь, въ коемъ находится чудотворная Югская икона Божіей Матери. Въ то время тамъ спасался старецъ іеромонахъ Адріанъ, извѣстный и почитаемый во всей окрестности, какъ мужъ праведный и даже прозорливый. Такимъ по крайней мѣрѣ считали его всѣ знавшіе его. Анастасія пожелала принять его благословеніе и назиданіе. Старецъ Адріанъ, видя ея юность и находя непосильнымъ для нея подвигъ странничества, не совѣтывалъ ей продолжать его, а опредѣлится лучше въ какой-либо дѣвичій монастырь. Для того, чтобы испробовать ей свои силы и способности къ монашескимъ подвигамъ, онъ рекомендовалъ ей пожить въ мѣрѣ по-монашески, т. е. уединенно, занимаясь молитвою и постомъ; съ этою цѣлью онъ помѣстилъ ее къ тремъ благочестивымъ, уже не молодымъ дѣвицамъ, жившимъ отдѣльною кельею въ городѣ Мологѣ, подъ его духовнымъ руководствомъ: занимались онѣ печеніемъ просфоръ для приходскихъ церквей города Мологи, чтеніемъ псалтири по покойникамъ, по приглашенію гражданъ, и рукодѣльями, и этими трудами своими снискивали себѣ пропитаніе. Поселившись къ нимъ, Анастасія стала раздѣлять ихъ труды и, подъ руководствомъ опытнаго старца о. Адріана, приучалась къ жизни духовной и молитвѣ.

Впослѣдствіи, когда началъ устраиваться близъ города Рыбинска дѣвичій Софійскій монастырь, Анастасія

поступила въ число его первыхъ сестеръ, гдѣ и находилась по сіе описываемое время, принявъ при постриженіи въ монашество имя Сергіи. Однажды, будучи уже монахиною, пришла она на свою родину въ село Щетинское для свиданія съ сестрою и племянниками. Село это, какъ уже сказано, находится лишь въ 15 верстахъ отъ Леушина, гдѣ тогда только что была выстроена церковь, далеко по окрестности славившаяся находившеюся въ ней иконою Похвалы Богоматери. Монахиня Сергія возымѣла желаніе посмотреть этотъ храмъ и поклониться святой иконѣ, и вотъ однажды наканунѣ какого-то праздника пришла она въ Леушино незадолго до вечерни.

Намѣреваясь сколько-нибудь отдохнуть до службы, она направилась прямо къ дому священника. Нужно было проходить мимо небольшого флигелька, въ которомъ жила, уединенно отъ семьи, сама строительница церкви, старушка генеральша, дабы всегда имѣть возможность любоваться дорогимъ для ея сердца храмомъ. Увидѣвъ въ окно проходившую мимо монахиню, она поспѣшила пригласить ее къ себѣ на чашку чая. Такъ произошло первое знакомство монахини Сергіи съ Каргопольцевыми. Понравилось монахинѣ Сергіи это пустынное, уединенное мѣсто, вполне соответствовавшее стремленіямъ къ тишинѣ и безмолвію утружденныхъ житейскими бурями душъ благочестиваго, молитвеннаго настроенія.

Невольно зародилась у ней мысль поселиться тутъ при церкви, что и высказала она генеральшѣ съ просьбою продать ей маленькій лоскутъ земли подлѣ церкви, гдѣ бы она могла выстроить себѣ келью. Помѣщики отвѣчали ей на это, что продать землю они сами ищутъ и желаютъ, но не иначе, какъ всю цѣ-

ликомъ, а дробить ее на доскутки невозможно, ибо это можетъ помѣшать общей продажѣ. Стоимость всего имѣнія помѣщикъ цѣнилъ не менѣе 8000 рублей сер., такъ что о покупкѣ его монахиною Сергіею, не имѣвшей и 8 рублей, не могло быть мысли. Между тѣмъ Николай Каргопольцевъ долженъ былъ уже явиться на мѣсто своего новаго назначенія по службѣ въ Вышневолоцкій уѣздъ, куда отправлялось съ нимъ и все его семейство. Можно себѣ представить, какихъ горькихъ слезъ стоила благочестивой старушкѣ эта разлука съ храмомъ Божіимъ, для котораго она такъ много потрудилась; однако, утѣшая провожавшихъ ее любимыхъ ею и любившихъ ее крестьянскихъ старушекъ, она съ какимъ-то утѣшительнымъ предчувствіемъ говорила: «не плачьте старицы, а радуйтесь; вотъ уже въ недалекомъ будущемъ вы увидите исполненіе моихъ словъ, что будетъ на этомъ мѣстѣ обитель, которая и васъ приютитъ и успокоитъ на старости лѣтъ. Вотъ мнѣ, такъ надобно плакать, ибо я уже навсегда расстаюсь съ дорогимъ мнѣ храмомъ Божіимъ и уже никогда не увижу его!»

Въ 1869 году помѣщики Каргопольцевы оставили свое имѣніе при Леушинѣ, оставили и выстроенный трудами и заботами ихъ храмъ Божій, вручивъ его мѣстному священнику и избранному помѣщикомъ на свое мѣсто въ должность церковнаго старосты одному изъ Леушинскихъ крестьянъ. Мысль о приобрѣтеніи этого имѣнія подъ мирную обитель задала въ сердце монахини Сергіи и преслѣдовала ее на каждомъ шагу. Сначала и ей самой она казалась несбыточною, но поборошь ее въ себѣ она не чувствовала силы. Наконецъ, она стала придумывать, нельзя ли было бы поискать такихъ благодѣтелей, которые согласились бы сдѣлать такое доброе дѣло, т. е. купить это имѣніе именно съ

тѣмъ, чтобы пожертвовать его для устройства въ немъ обители. Странствованіе ея по святымъ мѣстамъ въ первые годы ея сиротства дало ей случай познакомиться со многими состоятельными людьми, изъ которыхъ съ иными она не прекращала знакомства, пользуясь отъ нихъ матеріальною помощью къ жизни, такъ какъ своего она ничего не имѣла. Съ этою цѣлью она отправилась въ Петербургъ. Неизвѣстно, долго ли пришлось ей искать желаемаго благодѣтеля, и, наконецъ, она нашла такого въ лицѣ купца Максимова, съ женою котораго давно была въ хорошихъ отношеніяхъ. Максимовы были люди со средствами и бездѣтныя: сама Пелагея Ѳеодоровна Максимова любила ѣздить по монастырямъ и богомольямъ, и мужъ ея Иванъ Максимовичъ не препятствовалъ ей въ этомъ, такъ какъ въ торговлѣ его она не принимала участія, а потому, какъ безсемейная—имѣла много свободнаго времени. Монахинѣ Сергіи скоро удалось склонить ее на покупку земли, самъ же купецъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, несмотря на слезныя просьбы обоихъ этихъ женщинъ. Упорство его происходило не отъ того, чтобы онъ жалѣлъ капитала на покупку, но отъ того, что не сочувствовалъ этому дѣлу, которое въ то же время считалъ не подходящимъ для себя, какъ для человѣка простаго, коммерческаго, обремененнаго дѣлами житейскими. «Намъ ли сооружать монастыри! Мы не праведники древніе», говаривалъ онъ. Съ другой стороны онъ хорошо понималъ и справедливо рассуждалъ, что трудно будетъ существовать обители безъ средствъ и обезпеченія. Однако двѣ эти единомышленныя женщины не падали духомъ и не теряли надежды. Монахиня Сергія опасалась даже, чтобы Каргопольцевъ не нашелъ другого покупателя, почему и не прекращала переписки съ

нимъ. Наконецъ, помѣщикъ Каргопольцевъ написалъ имъ рѣшительно, что болѣе ждать не можетъ и, если не получить отъ нихъ окончательнаго отвѣта, продастъ имѣніе другимъ, желающимъ приобрести его. Когда подали Максиму это письмо, онъ, даже не прочитавъ его, отбросилъ съ негодованіемъ. Вдругъ, въ эту же ночь видитъ онъ во снѣ, но такъ ясно, какъ бы наяву: входитъ въ квартиру его нынѣ уже въ Возѣ почившій Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ въ полномъ святительскомъ облаченіи и обращаясь къ нему, говоритъ: «отчего ты не хочешь купить предлагаемаго тебѣ имѣнія?» «Не смѣю. Владыка Святой», отвѣчаетъ онъ: «это дѣло не нашей мѣры, да что пользы размножать нищихъ!» — «Твое дѣло не разсуждать, а купить землю, и больше ничего!» возразилъ святитель и вышелъ. Максимовъ тотчасъ же проснулся и искалъ глазами выходившаго митрополита, но понявъ, что это было во снѣ, всталъ и тотчасъ же началъ отыскивать отброшенное имъ письмо и прочиталъ его. На другой день онъ разсказалъ просительницамъ о своемъ сновидѣніи и объявилъ, что согласенъ купить землю Каргопольцева въ количествѣ 800 десятинъ за назначаемую имъ сумму 5000 руб. сер. Удовольствію и радости хлопотавшихъ о семь старицъ не было конца; да и самому купцу Максиму, какъ самъ онъ высказывалъ, стало легче на душѣ; всѣ повеселѣли.

Это было въ 1872 году іюня 27-го дня. Къ опустѣлому барскому селу «Леушино» подъѣзжалъ нагруженный тройкою лошадей простой крестьянскій тарантасъ, направляясь по дорогѣ къ церкви, недалеко отъ которой онъ остановился. Въ эту минуту церковь была отперта: двѣ старушки-крестьянки, Матрона Гераси-

мова и Параскева Владимірова, оставленныя помѣщикомъ въ качествѣ сторожихъ въ покинутой имъ усадьбѣ, спивали тамъ холстины, пожертвованныя для церковной потребности.

Заслышавъ звонъ колокольчика и грохотъ подъѣзжающаго тарантаса, они выскочили изъ дверей храма и съ любопытствомъ стали вглядываться въ пріѣхавшихъ. «Никакъ, нашъ баринъ пріѣхалъ!» сказала одна другой, и обѣ бросились на встрѣчу гостямъ. Подошедъ поближе, онѣ поняли свою ошибку и поспѣшили вернуться въ церковь къ своей работѣ. За ними поодаль слѣдовали и прибывшіе. Вотъ какими словами рассказываютъ объ этомъ эти старушки, нынѣ уже монахини, принявшіе полное постриженіе въ основаншемся на семъ мѣстѣ монастырѣ: «гостей этихъ мы видѣли въ первый разъ, кто они и зачѣмъ пріѣхали сюда, мы ничего не знали, а сами не знаемъ, что съ нами случилось, откуда взялась смѣлость; какъ вошли они въ церковь, мы обѣ и бросились имъ въ ноги со слезами, да и говоримъ: кормильцы вы наши, купите вы намъ эту землю подъ монастырь. Удивились они такимъ нашимъ словамъ, да и сами заплакали и говорятъ намъ: «дѣло уже сдѣлано, земля куплена». Мы и ушамъ своимъ не вѣримъ. Помолившись и осмотрѣвъ вездѣ въ церкви, они попросили насъ позвать священника, жившаго не вдалекѣ отъ церкви. Тутъ и узнали мы, кто были наши гости, узнали первыхъ нашихъ благодѣтелей и первыхъ виновниковъ начала обители». Купивъ это имѣніе для означенной цѣли, сами Максимовы, разумѣется, не могли въ немъ оставаться; имъ надо было озаботиться пріискать подходящихъ людей, которымъ можно было бы поручить все начальное дѣло общежитія, которому, такъ сказать, могли бы они дать

первый правильный толчокъ. И на этотъ разъ монахиня Сергія оказываетъ свои услуги: она знала въ селѣ Воронинѣ, верстахъ въ 30-ти отъ Леушина, человѣкъ 6 уже не молодыхъ дѣвицъ, жившихъ отдѣльно отъ общества, въ особенной кельѣ, уединенно и скромно. Ихъ-то и уговорила она переселиться въ Леушино для начатія предпринимаемаго дѣла. Сама она не могла взяться за это дѣло, потому что, какъ постриженная монахиня, не могла жить въ имѣніи частныхъ лицъ. каковымъ считалось Леушино, до времени формальнаго его утвержденія «Общиною» Высочайшимъ повелѣніемъ чрезъ Святѣйшій Синодъ. Поселивъ означенныхъ дѣвицъ въ своемъ имѣніи и старшей изъ нихъ поручивъ какъ бы начальственное управленіе, подновивъ нѣсколько старый помѣщичій домъ, оказавшійся уже попортившимся. Максимовы возвратились въ Петербургъ.

Съ этого времени начинается новый періодъ для здѣшней мѣстности, періодъ возникновенія общины, а для членовъ общины начинается періодъ безчисленныхъ скорбей, трудовъ и слезъ. Если бы возможно было собрать всѣ слезы, пролитыя первыми насельницами и особенно первыми настоятельницами общины до времени утвержденія ея «монастыремъ», то навѣрно этихъ слезъ достаточно было бы для того, чтобы омыть всѣ настоящія зданія обители, слезами и трудомъ воздвигнутыя. Да и могло ли быть иначе? «Добрыя дѣла трудомъ стяжываются» т. е. скорбями и слезами. Если врагъ спасенія противодѣйствуетъ всякому добродѣлу и благому начинанію, то могъ ли онъ не противиться такому великому и спасительному дѣлу, какъ устройство обители, въ которой имѣло денно и ношно славословиться великое имя Божіе,—обители, представлявшей новый пріютъ бѣдному страннику земли.

гдѣ бы молитвенно отдохнуло его сердце, утружденное борьбою жизненныхъ невзгодъ,—обители въ которой ревнители высшихъ христіанскихъ добродѣтелей найдутъ искомое ими сокровище, «единое на потребу», драгоцѣннѣйшее всѣхъ благъ міра? Могло ли, повторяю, быть иначе? Новыя жительницы Леушина со всею энергіею принялись за порученное имъ дѣло, въ ихъ простодушныхъ убѣжденіяхъ оно казалось имъ такъ велико и свято, что онѣ не считали себя даже достойными его. Но какъ бы велико ни было ихъ усердіе, однакоже, безъ матеріальной помощи, его было недостаточно, для выполненія всего того, что доставалось на ихъ долю: всѣмъ имъ нужно было насущное питаніе, а нерѣдко случалось, что у нихъ не было даже и хлѣба, за которымъ, какъ за милостыней ходили они въ деревню Леушино; нужна была одежда, всѣ необходимыя жизненные и хозяйственныя потребности, сама обработка земли, въ ожиданіи будущаго вознагражденія отъ нея, кромѣ личнаго труда требовала многого: нужны были лошади со всею потребною для земледѣлія упряжью. Все это нужно было просить у добрыхъ людей, за неимѣніемъ средствъ на покупку собственнаго. Небольшой помѣщичій домикъ, состоявшій изъ двухъ перегороденныхъ комнатъ въ верхнемъ и столько же въ нижнемъ этажахъ, при малѣйшемъ прибавленіи къ нимъ сожительницъ сталъ тѣснымъ, и тѣмъ болѣе, что самая просторная въ немъ комната занята была иконами и аналоями для келейнаго совершенія въ ней молитвословія по уставу Церкви: полунощницы, утрени и вечерни; тутъ всѣ общежительницы собирались вмѣстѣ на молитву, ибо въ храмѣ не было сдѣлано печей, и кромѣ Божественной литургіи, служимой священникомъ по необходимости въ праздничные дни, тамъ никакой другой службы и молитво-

словій не совершалось. Надобно было строить помещенія, надо было обзаводиться рогатымъ скотомъ для продовольствія своего и лошадьми со всею упряжью для обработки земли и для другихъ потребностей. Всѣхъ нуждъ, самыхъ даже неотложныхъ, и не перечислить; а средствъ на удовлетвореніе ихъ ни откуда не предвидѣлось. Идти имъ по сбору, на что онѣ охотно согласились бы, нельзя было и думать: обѣщаніе «общины» лишь вдали блестяло исходной точкою ихъ надежды, а на самомъ дѣлѣ онѣ жили на чужой землѣ, которую и обрабатывали какъ работницы или какъ лица довѣренныя, но никакъ не собственницы ея. Заслышавъ о такомъ неопредѣленномъ населеніи села Леушина, полицейскія власти стали частенько навѣдывать ихъ, требовали отъ нихъ формальныхъ доказательствъ ихъ правъ на жительство здѣсь, угрожали и даже приказывали выселяться.

Эти преслѣдованія со стороны полицейскихъ властей (вѣроятно подозрѣвавшихъ тутъ какую-либо секту), какъ бы довершали ихъ скорби; встрѣча какого-либо урядника или другого полицейскаго чиновника приводила ихъ всѣхъ въ такой страхъ, что онѣ готовы были бѣжать, скрыться гдѣ-либо въ лѣсу. Писали онѣ объ этомъ Максимовымъ, но самыя сношенія эти черезъ почту длились нерѣдко нѣсколько недѣль и болѣе; пока придетъ утѣшительный отвѣтъ, успокаивающій въ миновавшей уже опасности, надъ головами ихъ готова уже была другая. Что касается матеріальной помощи общежительницамъ со стороны Максимовыхъ, то послѣдніе не вмѣняли себѣ этого въ обязанность; помогали они имъ понемногу, по мѣрѣ усердія своего, но болѣе предоставляли ихъ въ этомъ отношеніи самимъ себѣ, считая себя уже выполнившими свою задачу—покупкою имъ земли.

Такъ жили первыя общежительницы Леушинскія въ нуждѣ, въ тѣснотѣ и въ страхѣ за будущее цѣлыхъ три года; наконецъ, въ 1875 году января 11-го дня послѣдовало Высочайшее утвержденіе на основаніе Леушинской женской общины; февраля 3-го дня община получила о семь черезъ Консисторію указъ Святѣйшаго Синода съ резолюціей митрополита Исидора за № 175. При семь назначена была и начальница въ общину—Рыбинскаго Софійскаго монастыря монахиня Сергія, эта первая виновница ея устройства. Можно себѣ представить, съ какою непритворною радостью, съ какимъ искреннимъ, священнымъ восторгомъ встрѣтили это вождельное извѣстіе сестры-общежительницы! Ихъ было уже около 40 человѣкъ. И какъ имъ было не радоваться: онѣ теперь уже убѣдились, что 3-хъ лѣтнія ихъ страданія и труды увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, что надежда ихъ не обманула и цѣль достигнута; онѣ сознали, что отнынѣ онѣ уже не пришельцы на чужой землѣ, не овцы, не имущія пастыря, но спокойно будутъ жить на своей собственности подъ покровомъ и руководствомъ одной общей ихъ матери-начальницы. Дѣйствительно, на плечи этой матери-начальницы теперь, какъ бы уже не своевременно для нея, ложилась вся тяжесть заботъ, все бремя трудовъ и хлопотъ объ устройствѣ и внутренняго и внѣшняго благосостоянія обители. Эти труды и хлопоты оказались уже непосильными 57-ми лѣтней старицѣ-монахинѣ Сергіи. Со всѣмъ усердіемъ принялась она осуществлять свои давнишнія идеи—довершать и расширять начатое ею дѣло, но многосложность и тяжесть его превозмогли ея энергію. Силы ея и физическія и нравственныя, надломленныя жизнію еще въ самой юности ея, теперь окончательно измѣнили подъ тяжестью креста устроитель-

ницы и начальницы такого обширнаго дѣла. Тяжесть возложеннаго на нее труда еще осложнилась тѣмъ обстоятельствомъ, что она при общей своей старческой немощи не имѣла достаточно силъ и возможности сдѣлаться самостоятельной правительницей дѣла. Какъ уже упомянуто, первые три года, со времени покупки земли подъ общину, съ 1872 года до времени утвержде- нія ее таковою въ 1875 году она считалась собствен- ностью Максимовыхъ и была въ ихъ полномъ распоря- женіи и зависимости. Такой взглядъ сдѣлался какъ бы привычнымъ и владѣтелямъ и самимъ общежительни- цамъ, такъ что и отношенія къ общинѣ первой началь- ницы монастыря Сергія само собою поставлялись въ извѣстную рамку. Кромѣ скорби самой начальницѣ, это обстоятельство причинило много вреда и нравственному строю общины. Собравшіяся сестры, въ то время еще всѣ крестьянскаго сословія, безъ образованія и разви- тія, не могли, конечно, вникнуть въ сущность дѣла, а лишь поверхностно, видя нѣкоторыя недоразумѣнія и размолвки начальницы съ благодѣтелями, которыхъ онѣ привыкли считать ктиторами, судили о семъ и толковали каждая по своему разумѣнію. Изъ этого происходили разногласія и какъ бы раздѣленіе сестеръ на двѣ пар- тіи. Къ тому же сестры, управлявшія общиною до при- бытія начальницы считали себя какъ бы обиженными, критиковали новыя распоряженія старицы-монахини, и эти внутренніе безпорядки и нестроенія нарушали об- щій покой. Если бы между сестрами нашлась тогда одна болѣе опытная и разсудительная старица, она могла бы разумнымъ словомъ повліять на возмущенный духъ и умиротворить всѣхъ, но по новости дѣла здѣсь еще не находилось таковой. Тѣмъ не менѣе монахиня Сергія, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, трудилась

въ благоустройствѣ общины, выстроила два небольшіе деревянные двухъ-этажные дома, (съ ремонтомъ и обновленіемъ ихъ) дѣлала разныя хозяйственныя пріобрѣтенія, сама ѣздила по сборамъ, однимъ словомъ трудилась на столько, на сколько позволяли ей обстоятельства и ея старческія силы. Наконецъ, не доживъ до конца второго года своего управленія Леушинскою общиною, въ 1877 году она подала прошеніе объ увольненіи ея на покой, на прежнее мѣсто ея, въ Рыбинскій Софійскій монастырь, куда и переселилась.

ГЛАВА IV.

Вторая начальница Леушинской общины, монахиня Горицкаго Воскресенскаго монастыря Леонтія.

На мѣсто уволенной отъ должности начальницы монахини Сергіи прибыла въ Леушинскую общину Горицкаго Воскресенскаго монастыря монахиня Леонтія, въ мѣръ Марія Александровна Коврова, вдова мѣщанина города Костромы.

Бывъ пострижена въ Горицкомъ монастырѣ, монахиня Леонтія исполняла тамъ послушаніе сборщицы въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Это послушаніе дало ей возможность и случай пріобрѣсть для Горицкаго монастыря не мало знакомыхъ и благодѣтелей, которые, со времени поступленія ея въ Леушинскую общину, стали помогать устройству сей послѣдней. При посредствѣ ихъ помощи монахиня Леонтія сдѣлала для общины весьма многое. Прежде всего, какъ и слѣдовало, она озаботилась улуч-

шеніемъ храма Божія. чтобы служенія въ немъ были доступны и удобны во всякое время года. Выстроенная съ такимъ трудомъ церковь деревянная, послѣ отъѣзда помѣщиковъ-строителей, ни разу не видала малѣйшаго ремонта. Въ 1876 году церковь эта была передана въ вѣдѣніе общины, на долю которой и доставались всѣ о ней попеченія. Начальница общины монахиня Леонтія перебрала въ ней наматы и полы, поставила по обѣимъ сторонамъ ея двѣ кафельныя печи, проконопатила стѣны съ наружной и съ внутренней стороны, обшила снаружи тесомъ и окрасила масляной краскою крышу, вмѣсто подгнившаго уже теса, покрыла желѣзомъ и окрасила мѣдянкою. Исправивъ такимъ образомъ храмъ Божій и сдѣлавъ доступнымъ въ немъ Богослуженіе во всякое время, монахиня Леонтія озаботилась постройкою келлій для сестеръ, весьма стѣсненныхъ въ помѣщеніи и не имѣвшихъ даже общей трапезной келліи, которую замѣняла имъ тѣсная душная комната стараго помѣщичьяго дома въ нижнемъ этажѣ. Келліи строились большими корпусами такъ, какъ это принято въ общежительныхъ монастыряхъ. Всѣхъ корпусовъ выстроила она три; каждый изъ нихъ въ два этажа, на каменномъ фундаментѣ, крытый желѣзомъ; одинъ изъ нихъ въ 10 саж. длины, другой въ 13 саж. и третій въ 17 саж. Послѣдній на половину занятъ домовою церковью во имя Нерукотвореннаго образа Спасителя, въ которомъ до построенія Игуменіей Таисією соборнаго храма совершалось ежедневно Богослуженіе, ибо старая Предтеченская церковь не вошла въ предѣлы монастырской ограды, сооруженной и оконченной уже преемницей монахини Леонтіи въ 1884 году. Въ 1880 году былъ оконченъ и освященъ по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора, Невской лавры архиман-

дритомъ Исаіею этотъ первый собственный храмъ общины, во имя Нерукотвореннаго образа Спаса, выстроенный, какъ мы сказали, монахиною Леонтіею смежно съ настоятельскими келліями въ наибольшемъ изъ тогдашнихъ монастырскихъ корпусовъ. Освященіе его совершалось сентября 15-го при тысячномъ стеченіи народа, наводнявшаго всю большую монастырскую площадь. Въ построеніи этого храма приняли участіе отчасти и Максимовы: ими были заказаны въ С.-Петербургѣ всѣ иконы для иконостаса, пожертвованъ желѣзный прикладъ и др. вещи. Однако отношеніе ихъ къ общинѣ и тѣмъ болѣе къ начальницѣ ея не измѣнились къ лучшему. Община, утвержденная еще въ 1875 году, до самаго 1880 года не имѣла никакихъ документовъ на право владѣнія занимаемою ею землею; документы эти Максимовы удерживали почему-то у себя. Наконецъ, въ 1880 году община получила эти документы, т. е. вводитъ ея во владѣніе своею землею. Много добраго и полезнаго для общины можно было ожидать отъ этой почтенной дѣятельной труженицы монахини Леонтіи, несмотря на ея преклонный 60-ти лѣтній возрастъ; но, какъ видно, чаша скорбей, опредѣленная судьбами Божиими для этой общины, не была еще испита до конца; и чѣмъ далѣе она испивалась, тѣмъ горче были останки питія. Всевидящее око видитъ и прошедшее и будущее какъ и настоящее: правосудіемъ Его взвѣшены дѣла вѣковъ и прошедшихъ и грядущихъ. Не болѣе какъ полвѣка назадъ, если и того не менѣе, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ съ такими усиліями и скорбями теперь устраивалась св. обитель, было пристанище грабителей и хищниковъ, можетъ быть, потоки крови неповинныхъ жертвъ орошали эти мѣста. Не надлежало ли имъ очиститься потоками слезъ, чтобы сдѣлаться достойными своего вы-

сокаго назначенія?!. Итакъ, что удивительнаго, если лишения и скорби первыхъ насельницъ общины были такъ многочисленны и тяжелы! Сестры общежительницы и ихъ начальницы трудились и трудились почти непосильно, до самоотверженія при самыхъ скудныхъ средствахъ, состоящихъ исключительно въ сборахъ, гдѣ каждая копѣйка доставалась не легко: для облегченія и уменьшенія матеріальныхъ затратъ были предпринимаемы всевозможный трудъ. Сестры сами обрабатывали пашню, рубили и возили дѣсь на постройку, запасали дрова на годъ, словомъ выполняли всю самую тяжелую работу, и при томъ не только съ трепетомъ, какъ дѣло святое, но и съ любовію и усердіемъ, какъ дѣло легкое и пріятное. Возвращаясь же въ обитель послѣ такихъ усиленныхъ трудовъ, онѣ часто не находили достаточно хлѣба и другой пищи для подкрѣпленія усталыхъ силъ. Только благодать Божія подкрѣпляла ихъ въ терпѣніи, ободряла въ трудѣ. Но какъ страдало при этомъ сердце начальницы, видѣвшей эту нужду и вмѣстѣ сознававшей полное безсиліе свое помочь этому горю! Труды, лишенія и скорби, и при этомъ все еще не смолкавшія внутреннія неустройства все тяжелѣе и тяжелѣе дожились на сердце бѣдной старицы монахини Леонтіи. Три такихъ условіяхъ жизнь ея становилась для нея все тяжелѣе и невыносимѣе. Она стала серьезно прихварывать, иногда и по долгу, и, наконецъ, рѣшилась подать прошеніе объ увольненіи ея на покой въ прежній ея Горицкій монастырь. Заслышавъ объ этомъ, сестры общины стали умолять ее оставить это намѣреніе и для блага самой общины не покидать ее. Но отъ природы кроткая и смиренная старика Леонтія не ощущала въ себѣ силы къ дальнѣйшей борьбѣ съ тяжелыми обстоятельствомъ и, желая хотя немного попра-

вить свое здоровье, осталась непреклонною. Это было въ февралѣ 1881 года. Наступилъ Великій постъ. Сестры пришли въ такое волненіе и печаль, что и высказать невозможно; онѣ но мимо воли монахини Леонтіи сами отъ себя написали и послали прошеніе Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Исидору, умоляя его не упускать отъ нихъ ихъ любимую и почитаемую начальницу. не дать имъ снова осиротѣть. Заслуги монахини Леонтіи въ дѣлѣ устройства общины были ими упомянуты, какъ бы въ доказательство и подтвержденіе своей просьбы: но зналъ ихъ и самъ Владыка и, можетъ быть, не менѣе, чѣмъ кто-либо, тревожился и скорбѣлъ душою, что такъ долго колеблется эта благословленная имъ община. не можетъ стать твердо въ своемъ основаніи. Какъ бы ни было, но это прошеніе ихъ запоздало, и Владыка Исидоръ уволилъ монахиню Леонтію, согласно прошенію ея, на покой въ прежній ея Горицкій монастырь. И такимъ образомъ монахиня Леонтія, прослуживъ безъ 2-хъ мѣсяцевъ 4 года (отъ мая 1877 г. до марта 1881 г.), готовилась оставить ее навсегда. Можно себѣ представить, какое тяжелое время переживали сестры. Едва успѣли онѣ привыкнуть къ своей матери-начальницѣ, — эта мать ихъ оставляла навсегда! Едва успѣли онѣ увидѣть очевидные плоды этихъ материнскихъ о нихъ попеченій и трудовъ, о которыхъ говорили имъ самыя стѣны ихъ келлій, какъ воображенію ихъ стала рисоваться ужасающая картина разрушенія и запустѣнія. Подобнаго рода опасеніямъ и предположеніямъ способствовало отчасти и то, что и сами сестры и окрестные жители, въ теченіе почти 10 лѣтъ со времени покупки для общины земли, не видя ея надлежащаго упорядоченія, частью влѣдствіе перемѣны настоятельницъ общины, а частью по причинѣ внутреннихъ несогласій,

стали высказывать мысль, что существованіе общины при такихъ условіяхъ невозможно, и что вслѣдствіе сего ей грозитъ совершенное закрытіе, т. е. уничтоженіе ея, — тѣмъ болѣе, что и капитала для своего обезпеченія она ни малѣйшаго не имѣла, а существовала исключительно сборами и приношеніями. Но за послѣднее время и эти источники стали оскудѣвать, такъ какъ и сами благодѣтели, волнуемые подобными же слухами, стали отказывать въ помощи, считая ее неумѣстною.

ГЛАВА V.

Третья начальница Леушинской общины и первая ея Игуменія—Таисія и первые ея труды и дѣянія.

Мри такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ приняла Леушинскую общину уже третья по времени въ теченіе 7-ми лѣтъ, начальница ея, монахиня Таисія, въ началѣ 1881 года. Монахиня Таисія, въ мѣрѣ Марія Васильевна Солопова, изъ фамиліи потомственныхъ дворянъ, родилась въ С.-Петербургѣ, гдѣ и получила воспитаніе въ Павловскомъ институтѣ благородныхъ дѣвиць. Съ малыхъ лѣтъ имѣя наклонность къ жизни духовной и уединенной, она сряду по окончаніи курса, 19-ти лѣтъ отъ рожденія, поступила въ Тихвинскій Введенскій монастырь, гдѣ проживъ около 12 лѣтъ, по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора, была переведена въ Новгородскій Покровскій-Звѣринъ монастырь. Съ самаго начала вступленія своего въ обитель и до времени назначенія на-

стоятельницаю, она проходила послушаніе клиросное, была регентшею хора, какъ хорошо знающая пѣніе и музыку, которымъ обучена была въ институтѣ; но кромѣ сего проходила и другія различныя, возлагаемыя на нее, послушанія, была учительницею монастырскихъ воспитанницъ, затѣмъ письмоводительницею, и за послѣднее время казначеею въ Званскомъ-Знаменскомъ монастырѣ, гдѣ существуетъ Державинское Епархіальное училище.

Свое назначеніе начальницею Леушинской общины приняла она какъ указаніе воли Божіей, и самоотверженно предалась своимъ новымъ обязанностямъ, вполнѣ сознавая всю ихъ тяжесть и разносторонность. И дѣйствительно,—съ ея вступленіемъ начался для Леушинской общины новый и рѣшительный періодъ перерожденія ея къ лучшему. Тѣмъ не менѣе время прибытія ея въ общину было едва ли не самое тяжелое, какъ для самой общины, такъ и для новой начальницы. Сестры, тревожимыя частыми переменами начальницъ, опасеніями совершеннаго закрытія общины, на новую начальницу смотрѣли первое время какъ-то недовѣрчиво, считая ее лишь только временною. Общественные труды въ послушаніяхъ выполнялись какъ-то вяло, нехотя, всюду проглядывало сомнѣніе въ прочности дѣла, недовѣріе къ самимъ себѣ. Между тѣмъ дѣло устройства общины было лишь только начато; многого и весьма необходимаго еще не доставало: не было еще даже и ограды, не имѣлось гостиницы, гдѣ бы могли остановиться пріѣзжавшіе богомольцы, не было достаточнаго помѣщенія для скота и многого другого. Многочисленныя и разнообразныя нужды общины, повидимому, превышали физическія и нравственныя силы новой начальницы, доселѣ, около 25-ти лѣтъ прожившей въ монастыряхъ благоустроенныхъ и обеспеченныхъ. Это дѣ-

дало для нея еще болѣе тяжелымъ предстоящій трудъ благоустроенія ввѣренной ея попеченію общины. Не разъ уже и она мысленно рѣшалась оставить общину, сознавая себя не счастливѣе своихъ предмѣстницъ, и во избѣжаніе тревоги сестеръ задумывала сдѣлать это тайно. И дѣйствительно, если бы не подкрѣпляла ее особенная сила Божія, по временамъ съ очевидностью для всѣхъ являвшая промышленіе Божіе о сей обители, трудно было бы устоять среди всѣхъ невгодъ. Вотъ одинъ случай, наглядно показывающій, до какой безвыходной и крайней бѣдности доходила община и вмѣстѣ ясно для всѣхъ свидѣтельствующій о томъ, что Господь, какъ чадолюбивый отецъ, промышленяетъ о рабахъ Своихъ и «не забываетъ убогихъ своихъ до конца». Однажды въ началѣ іюня мѣсяца приходитъ исправляющая должность экономки общины, послушница **Θ. Н. П.** (нынѣ монахиня Таисія) къ начальницѣ съ извѣстіемъ, что сейчасъ взяли послѣдній мѣшокъ муки изъ амбара въ хлѣбопекарню, а завтра растворять хлѣбовъ будетъ не изъ чего, а слѣдовательно нечего будетъ и ѣсть. У начальницы нашелся только одинъ рубль монастырскихъ суммъ; послали въ свѣчной ящикъ въ церковь, тамъ нашли лишь 4 рубля, а мука была въ то время дорога — 12 руб. за куль. Что дѣлать? Голодными не оставить сестеръ; подумали обѣ хозяйки, поплакали и порѣшили — занять въ деревнѣ у крестьянина торговца 1 куль, котораго будетъ достаточно лишь на два дня: а потомъ что? Можно понять какой скорбью наполнилось сердце бѣдно начальницы. Изливъ свое горе въ потокъ горькихъ слезъ, она остановилась на мысли: ужели Господь не видитъ скорби рабынь Своихъ, ради Его же имени собравшихся въ эту глухую пустыню, далекую отъ чело-вѣческой помощи, ради Его терпящихъ всю тѣсноту

и скудость пустынножительства! Нельзя сказать, чтобы эта мысль успокоила ее, но на ней она остановилась, ибо другого исхода не было. На слѣдующее утро пошла она по обычаю къ утрени, совершавшейся въ старой Предтеченской церкви; священникъ въ то время еще былъ одинъ при общинѣ и литургія служилась не каждый день. Это было во вторникъ—въ день посвящаемый церковью св. Іоанну Предтечѣ. Изъ стороннихъ богомольцевъ во всемъ храмѣ стояли лишь крестьяне—старичекъ со старушкою и начальницѣ неволью пришла мысль: «вотъ сколько посѣтителей—какой тутъ можетъ быть доходъ!»! Послѣ утрени эти богомольцы остались служить молебенъ (доходы за молебны шли священнику, а не общинѣ), а сестры разошлись по келліямъ. Вернувшись въ свою келлію, начальница снова предалась скорби и слезамъ. Вдругъ ей говорятъ, что мужичекъ, служившій молебенъ, стоитъ внизу у лѣстницы и просить ее выдти къ нему для личнаго переговоровъ о чемъ-то. «Не пойду» отвѣчала она, «куда я пойду такая заплаканная? спросите его, что ему нужно, а у меня ужъ и глаза не глядятъ». Однако же мужичекъ не согласился никому передать своего дѣла и настойчиво хотѣлъ видѣть начальницу. Она пригласила его въ свою келлію и усадила съ собою пить чай; не забыла пригласить и его спутницу, жену его, и старичекъ началъ сообщать свое дѣло:—«прежде чѣмъ пить чай, матушка, я долженъ исполнить дѣло Божіе. Вотъ я вамъ скажу о себѣ: я крестьянинъ Харлампій, а это жена моя Парасковья. мы изъ деревни Череповецкаго уѣзда; кромѣ крестьянства, мы еще поторговываемъ кое чѣмъ въ селѣ; люди мы старые и бездѣтные, и вздумалось мнѣ отъ своихъ праведныхъ трудовъ пожертвовать сотенку рубликовъ на какое-нибудь богоугодное дѣло: давно уже

мысль эта у меня и денежки припасены, да все не знать и раздумывать, куда их лучше употребить. Вот, матушка ты моя, только что вчера съ вечера заснулъ, и вижу я во снѣ, будто стою я въ вашей церкви, вотъ гдѣ служили-то, передъ иконою Іоанна Предтечи, а онъ, батюшка, и говоритъ мнѣ: «что ты, рабъ Божій, долго думаешь о твоихъ деньгахъ-то, обѣщанныхъ Богу? неси ихъ скорѣе къ моимъ сиротамъ, имъ бѣдненькимъ ѣсть нечего! «А я и спрашиваю у него, «да гдѣ же это, батюшка, твои сироты?»—«въ Леушинѣ, знаешь новую общину тамъ, что называютъ Похвалы Богородицы?» «Какъ не знать», отвѣчаю я, да и проснулся, и спать больше не могу; такъ мнѣ и слышится въ ухахъ-то: неси скорѣе, имъ ѣсть нечего. Разбудилъ свою старуху, да и поѣхали мы, вотъ и утрению маленько захватили. Такъ вотъ же тебѣ, матушка, сотенку рубликовъ, отъ Іоанна Предтечи присланныя черезъ меня грѣшника». Что фактъ этотъ истиненъ и переданъ здѣсь во всей своей вѣрности, то подтверждаетъ сама начальница, нынѣ игуменія Таисія и всѣ сестры обители, бывшія очевидными свидѣтельницами сего. Напрасно было бы говорить о томъ, какъ обрадовало это обстоятельство почти уже отчаявшихся сестеръ и ихъ начальницу. Они радовались не столько потому, что получили возможность удовлетворить свои существенныя потребности, сколько потому, что усмотрѣли въ этой неожиданной жертвѣ очевидное доказательство промысленія Божія о св. обители, по ходатайству о ней ея великаго Покровителя, Предтечи Спасова. Укрѣпившись духомъ вѣры и надежды, ожили сердца сестеръ; упавшій духъ ихъ начальницы воскресилъ новою бодростію и силою. Промыслъ Божій видимо для всѣхъ, даже самыхъ невнимательныхъ къ судьбамъ Ею, очевидно, доказывалъ Свое чульное попеченіе

о Своей обители. И послѣ этого благословеніе Богоматери, ходатайствомъ великаго Предтечи, видимо сопровождало всѣ труды сестеръ и полезныя начинанія начальницы, которыя и увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Принявъ общину, состоявшую лишь изъ трехъ жилыхъ зданій, не огражденныхъ еще и оградой, Таисія сряду же озаботилась постройкою сей послѣдней. Не теряя времени, въ теченіи первой 188¹/₂ года зимы, она стала заготавливать матеріалъ для постройки ограды вокругъ обители, а съ наступленіемъ весны уже приступила къ самой постройкѣ. Ограду пришлось ставить довольно обширную, ибо какъ выстроенныя, такъ и предполагаемыя зданія деревянныя. сплошно ставить было небезопасно, почему и мѣсто осѣдлости для общины требовалось не малое, да и недостатка въ немъ не было; въ окружности ограда, (какъ она существуетъ и въ настоящее время) заняла 380 саж. Ограждая зданіе общины оградой среди пустыни, игуменія Таисія въ тоже время заботилась и о пріобрѣтеніи ею своего уголка и въ мѣстномъ своемъ уѣздномъ городѣ Череповцѣ, отстоявшемъ отъ общины на разстояніи около 40 верстъ. Но дѣламъ ли закупки провизіи, или по какимъ либо другимъ дѣламъ, а равно и для сообщенія съ почтою, общежительницамъ приходилось нерѣдко бывать въ Череповцѣ, причемъ вынуждаемы были ютиться гдѣ либо на квартирѣ у знакомыхъ, что представляло много неудобствъ: не вездѣ находилось мѣсто для лошадей, на которыхъ пріѣзжали за провизіей; пріѣхавъ поздно вечеромъ или рано утромъ, приходилось беспокоить хозяевъ, или же оставаться на открытомъ воздухѣ, не взирая ни на какую погоду. Начальница Таисія пріобрѣла съ разрѣшенія начальства участокъ земли, купивъ его у одного Череповецкаго мѣщанина за 600 р. и поставила на немъ деревянный домикъ съ каменною

подлѣ него часовнею въ честь Богоматери. во имя иконы Ея «Достойно есть». каковую икону по просьбѣ ея прислали ей съ Аѳонской горы. изъ Пантелеимоновскаго монастыря (куда она бывъ еще частной монахиней много работала бесплатно). Подворье это было большимъ благодѣяніемъ для общины; не говоря уже о томъ, что оно предоставило ей пріютъ и хорошее убѣжище на случай пріѣздовъ въ городъ,—оно стало приносить доходъ черезъ посредство часовни, которая въ 1883-мъ году была уже освящена. Освященіе это состоялось слѣдующимъ образомъ: наканунѣ дня освященія на парходѣ по рѣкѣ Шекснѣ къ городской пристани прибыла эта святая икона «Достойно есть», въ сопровожденіи клиросныхъ сестеръ Леушинской обители. Едва ли не всѣ жители города Череповца встрѣчали на берегу подходившій парходъ. съ котораго при тихой благопріятной погодѣ далеко разносилось пѣніе сестеръ, соупутствующихъ Богоматери; протоіерей—мѣстнаго собора. о. Козьма Соловьевъ. вмѣстѣ съ дьякономъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ стояли на пристани; поистинѣ.—зрѣлище было трогательное, и кто-то изъ предстоящихъ сказалъ вслухъ: «какъ на Аѳонѣ пришла Владычица на кораблѣ моремъ. такъ и къ намъ подходитъ на парходѣ!» Монахини, встрѣчавшія святую икону. взяли ее на руки и предшествуемая пѣвчими въ сопровожденіи духовенства и множества народа. понесли въ соборъ. гдѣ и оставили до слѣдующаго дня. На другой день послѣ Литургіи эта св. икона, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, крестнымъ ходомъ. въ сопровожденіи почти всѣхъ Череповецкихъ гражданъ. несена была изъ собора въ часовню подворья Леушинскаго монастыря. гдѣ находится и по сіе время. почитаемая и чтимая всѣми гражданами.

Когда впоследствии, въ 1898-мъ году по ходатайству Игуменіи Таисіи, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства была выстроена вмѣсто часовни Церковь во имя Срѣтенія Господня, то эта икона Богоматери «Достоинно есть» перемѣщена въ церковь, гдѣ пребываетъ и по нынѣ.

Съ теченіемъ времени прикуплены были еще два сосѣднія полумѣста съ западной стороны, равныя мѣрою въ ширину и въ глубину съ первымъ участкомъ, такимъ образомъ подворье монастыря въ гор. Череповицѣ расширилось и представлялась возможность удлинить къ западу церковь, выходящую фасадомъ на улицу и рядомъ смежно съ папертію ея выстроить колокольню. Въ глубинѣ же двора былъ выстроенъ на 10 и 6 саж. двухъэтажный каменный корпусъ къ кельями для сестеръ въ верхнемъ этажѣ, и съ трапезою, кухнею, просфорнею и прачешною въ нижнемъ.

Сестры, живущія тамъ, командируются изъ монастыря по мѣрѣ надобности и по усмотрѣнію начальства, руководятся уставомъ и порядками обители, завѣдуетъ же всѣмъ дѣломъ одна мантейная монахиня, замѣщающая тамъ настоятельницу.

Въ томъ же году Игуменія Таисія озаботилась постройкою въ монастырѣ гостиницы для посѣтителей, а въ виду умноженія ихъ въ скоромъ времени построила и другую; обѣ двухъэтажныя, деревянные на каменныхъ фундаментахъ крытыя желѣзомъ.

Затѣмъ построила таковой же домъ для причта, но впоследствии замѣнила его другимъ таковымъ же домомъ, а тотъ отдала въ собственность Учительской школы, по причинѣ неимѣнія сею послѣднею квартиръ для учительницъ, также еще и потому, что именно съ той стороны на землѣ владѣній монастырскихъ и прич-

товыхъ, распространились школьныя постройки. Далѣе выстроила большой 19 саж. длины деревянный, двухъ-этажный, на каменномъ фундаментѣ, крытый желѣзомъ корпусъ, въ одной половинѣ котораго помѣщались кельи сестеръ, а въ другой—двѣ большія по 12 оконъ кельи, въ верхнемъ этажѣ—живописная, а въ нижнемъ рукодѣльная.

Между тѣмъ начатая постройка ограды приходила къ концу, весною въ 1884 г. начальница монастыря Таисія подала форменный докладъ Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Исидору объ окончаніи ограды и другихъ ею совершенныхъ дѣлахъ и просила Высокопреосвященнѣйшаго митрополита командировать его Новгородскаго викарія, епископа Анастасія для освященія сей новосооруженной ограды, для чего указала день храмоваго праздника обители 24-го іюня, и просила узаконить съ этого времени «ежегодно совершать въ этотъ день крестный ходъ вокругъ монастыря» (какъ продолжается и до нынѣ). Кромѣ сихъ высказанныхъ цѣлей приглашенія викарія, она имѣла еще и намѣреніе поставить въ лицѣ его какъ бы свидѣтеля и посредника между собою и митрополитомъ Исидоромъ, которому, какъ видѣлось, много докладывали несправедливаго о ея дѣлахъ и трудахъ, въ которыхъ она дѣйствовала такъ беззавѣтно, энергично и небезуспѣшно, что и подвигало на зависть и неудовольствіе многихъ недоброжелателей, въ каковыхъ не бываетъ недостатка при всякомъ добромъ дѣлѣ.

Итакъ въ 1884 году впервые еще епископъ посетилъ Леушинскую общину, прибывъ на пароходѣ по рѣкѣ Шекснѣ 22 іюня. Получивъ предписаніе отъ митрополита Исидора «обревизовать подробно всю Леушинскую общину со всѣми ея учрежденіями и учили-

шами», преосвященный Анастасій исполнилъ это въ точности: онъ въ первый же день своего прїѣзда осмотрѣлъ всю обитель, обошелъ не только всѣ общественныя учрежденія, какъ то: трапезу, поварню, хлѣбопекарню, амбары, погреба, скотные дворы и проч., но и посѣтилъ каждую келью, разговаривалъ съ сестрами, живущими въ кельи, и вообще не оставилъ ничего неосмотрѣннымъ имъ. На другой день 23-го іюня онъ посѣтилъ оба училища и произвелъ въ нихъ экзамены, о чемъ будетъ сказано отдѣльно. Оставшись вполне довольнымъ всѣми порядками обители и содержимыхъ ею училищъ, а равно и нравственнымъ строемъ сестеръ, преосвященный Анастасій призналъ возможнымъ переименовать Леушинскую общину въ общежительный монастырь, о чемъ отнесся докладомъ къ Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Исидору, которымъ въ слѣдующемъ же 1885 г. и было сдѣлано представленіе въ Святѣйшій Синодъ «о переименованіи Леушинской женской общины въ Леушинскій Іоанно-Предтеченскій женскій общежительный монастырь», и въ концѣ года, именно сентября въ 3-й день, Леушинскій монастырь праздновалъ свое открытіе; окрестные жители сочувствовали его радости и прославили Бога, призрѣвшаго на смиреніе этой мѣстности и воздвигшаго въ ней какъ бы духовный свѣтильникъ, имѣющій пролить свой свѣтъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія далеко и широко.

Того же года 1-го октября, въ день Покрова Богоматери, начальница обители, игуменія Таисія была посвящена въ санъ игуменіи преосвященнымъ Анастасіемъ и, такимъ образомъ, бывъ въ сущности первою и главною устроительницею Леушинской обители, стала она и первою ея игуменіею. Того же года въ 8-й день

ноября мѣсяца, въ день посвящаемый церковью святымъ Ангеламъ, образъ которыхъ носить на себѣ монашескій чинъ, было совершено первое постриженіе въ монашество сестеръ Леушинской обители. Первые сподобившіяся сего были двѣ вышеупомянутыя старицы, остававшіяся въ качествѣ сторожей имѣнія помѣщиковъ, послѣ отъѣзда сихъ послѣднихъ. Одна изъ нихъ Матрона Герасимова получила въ постриженіи имя «Марія», а вторая Параскева Владимірова названа «Ангелиною», въ честь самаго Ангельскаго образа.

Въ томъ же году было пострижено 10 старицъ въ мантию и нѣсколько послушницъ въ рясофоръ. Самое постриженіе въ рясофоръ было въ то время повсемѣстно запрещено, вмѣсто постриженія дозволено было лишь надѣвать рясофоръ на болѣе достойныхъ послушницъ, по усмотрѣнію настоятельницъ, самаго же обряда постриженія по уставу совершать не дозволялось; это постановленіе было сдѣлано Святѣйшимъ Синодомъ въ силу нѣкоторыхъ злоупотребленій. Сознавая всю цѣнность рясофорнаго постриженія сестеръ, много потрудившихся въ обителяхъ, но, по причинѣ поступленія ихъ сюда съ самыхъ молодыхъ лѣтъ или даже съ малолѣтства, не достигшихъ узаконеннаго 40 лѣтняго возраста для принятія полнаго постриженія въ монашество, игуменія Таисія вошла съ докладомъ о семъ къ Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Исидору, подробно выясняя всю цѣнность и необходимость рясофорнаго постриженія и прося возобновить его разрѣшеніе. Разсмотрѣвъ докладъ и признавъ его совершенно справедливымъ, Высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ, какъ нервенствующій членъ Святѣйшаго Синода, изволилъ возобновить разрѣшеніе «совершать постриженіе въ рясо-

форъ по уставу Церкви (только безъ права перемѣны
именъ). Таковое постановленіе вошло въ силу и во
всей Новгородской епархіи.

ГЛАВА VI.

Устройство церковно-приходской школы.

дно изъ болѣе выдающихся дѣлъ игуменія Таи-
сіи въ первый годъ ея вступленія, не говоря
о различныхъ постройкахъ и улучшеніяхъ.—
было устройство церковно-приходской школы, что было
тѣмъ еще труднѣе и цѣннѣе, что въ то время не было
еще такъ сильно обращено вниманіе на устройство та-
ковыхъ школъ, и настоятельница игуменія Таисія дѣй-
ствовала исключительно по своей собственной инициа-
тивѣ, побуждаемая къ сему сознаниемъ глубокой нераз-
витости населенія той мѣстности.

Крестьяне села Леушина, единственные прихожане
общины, почти все, за исключеніемъ развѣ немногихъ,
были неграмотные, такъ что нерѣдко для прочтенія ка-
кой-либо полученной бумаги приходили въ общину или
въ квартиру священника. Это обстоятельство удивляло
и заботило начальницу и она все болѣе и болѣе убѣ-
ждалась въ мысли, что всевѣдущій Промыслъ Божій,
можетъ быть и избралъ ее для просвѣщенія этой скром-
ной мѣстности. Когда она сообщила обо всѣхъ этихъ
обстоятельствахъ высокопреосвященному Исидору, то
онъ подтвердилъ ея мысль и благословилъ озаботиться
устроить хотя какое-нибудь училище для мѣстныхъ

крестьянскихъ дѣтей. Однако при этомъ не сдѣлалъ никакого денежнаго пособія, вѣроятно, потому, что еще и сомнѣвался въ возможности состояться тутъ такому великому дѣлу, при всѣхъ неблагопріятствовавшихъ для него условіяхъ, а если и дѣйствительно состоялось бы, то какой приметъ характеръ и т. п. Вернувшись въ общину, воодушевленная архинастырскимъ благословеніемъ игуменія Таисія рѣшилась приступить къ дѣлу, вполне рассчитывая на всеобщее къ нему сочувствіе и содѣйствіе, но на самомъ дѣлѣ встрѣтила совершенно иное—и, что всего прискорбнѣе, со стороны тѣхъ лицъ, которымъ бы первымъ слѣдовало протянуть ей руку помощи. Можетъ быть это происходило отъ общаго недовѣрія къ дѣлу, сложившагося въ силу упомянутыхъ уже обстоятельствъ, или же видя, какъ энергично и дѣятельно новая начальница принялась за религіозно-нравственное развитіе не только сестеръ общины, но и окрестныхъ поселянъ, они, какъ бы предчувствуя наступавшее перерожденіе и новые порядки, не желали разстаться съ прежнимъ своимъ полусоннымъ состояніемъ; но такъ или иначе начальницѣ Таисіи пришлось много поскорбѣть и потрудиться въ устройствѣ задуманной ею церковно-приходской школы. Богъ, Споспѣшникъ каждому полезному и доброму начинанію, помогъ ей и въ этомъ домѣ; и въ томъ же 1881 году 1-го октября въ день праздника Покрова Богоматери состоялось открытіе школы для дѣтей деревни Леушина. По неимѣнію средствъ къ постройкѣ отдѣльнаго зданія для школы, она временно была помѣщена въ нижнемъ этажѣ одного изъ общинскихъ домовъ и дѣло обученія началось своимъ порядкомъ. Череповецкая уѣзная земская управа вслѣдствіе прошенія игуменія Таисіи, ассигновала ей ежегодное пособіе на уплату учительницѣ 100 р.

въ годъ. Въ то время изъ числа сестеръ не было образованныхъ настолько, чтобы имѣли право учительницы, почему и пришлось нанять таковую. Года черезъ два, когда была выстроена монастырская гостиница, то и помѣщеніе для сей школы было отведено въ нижнемъ этажѣ ея. Около того же времени г. синодальный Оберъ-Прокуроръ предложилъ игуменіи Таисіи выдать 100 р. на уплату жалованья учительницѣ изъ суммъ Святѣйшаго Синода вмѣсто того, чтобы получать оное изъ Череповецкой земской управы, такъ какъ это послѣднее обстоятельство было единственною нитью, связывавшею монастырскую школу со свѣтскимъ учрежденіемъ. Учительница, получавшая означенное жалованье, кромѣ того получала отъ монастыря все готовое содержаніе: пищу, чай, прислугу, освѣщеніе и отопленіе, однимъ словомъ все нужное. Эта первая учительница А. Судакова, кончившая курсъ Череповецкой женской гимназіи, прослужила въ этой школѣ 10 лѣтъ, т. е. до перваго выпуска собственныхъ воспитанницъ окончившихъ курсъ въ Леушинской учительской монастырской школѣ, причемъ замѣнила ее одна изъ сихъ послѣднихъ—дѣвица духовнаго званія С. Озеревская. Въ 1884 г., а затѣмъ и въ 1887 г. когда преосвященный Анастасій посѣщалъ обитель, то оба раза самъ и производилъ экзамены въ этой школѣ ученикамъ, кончавшимъ курсъ. Помѣщеніе школы въ монастырской гостиницѣ представляло тоже своего рода неудобство, а именно: при большомъ стеченіи богомольцевъ, какъ было сказано выше, за недостаткомъ помѣщеній имъ предоставлялись даже кельи сестеръ, между тѣмъ какъ часть гостиницы занята была школою; въ свою же очередь и для занятій школьниковъ представляло большое неудобство постоянное присутствіе ихъ въ кругу посѣтителей богомольцевъ, помѣщав-

шихся не только въ сосѣднихъ гостиницахъ, но и въ верхнемъ этажѣ надъ иколою. Въ виду этого игуменія Таисія вошла съ докладомъ о семъ къ предсѣдателю Новгородскаго братства святой Софіи, преосвященному Антонію, викарію Новгородской епархіи, выясняя вышеупомянутое неудобство и прося пособія на постройку отдѣльнаго зданія для церковно-приходской школы. Братство ассигновало ей на этотъ предметъ 200 р., но такъ какъ приличное по пространству и удобствамъ школьное зданіе требовалось не малаго размѣра, то и постройка его обошлась стоимостью 670 р., изъ каковыхъ было получено отъ братства 200 р., а 470 р. были употреблены изъ непосредственныхъ монастырскихъ доходовъ. Зданіе школы раздѣлено теплымъ коридоромъ на двѣ половины: на правой сторонѣ отъ параднаго хода помѣщаются классы, а на лѣвой комната для учительницы и келья для послушницъ, завѣдующихъ зданіемъ. Надъ параднымъ крыльцомъ какъ бы въ нишѣ, помѣщенъ образъ святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, а самая ниша вѣнчается крестомъ. Въ такомъ видѣ существуетъ школа по сіе время. Въ 1894 году Высокопреосвященнѣйшій Θεогностъ, архіепископъ Новгородскій, посѣтивъ обитель, обозрѣвалъ и это школьное зданіе, причемъ призналъ его вполне цѣлесообразнымъ и удобнымъ. Въ настоящее время эта школа въ связи съ двумя старшими классами, помѣщающимися въ другомъ зданіи служитъ какъ бы подготовительною для поступленія въ учительскую.

ГЛАВА VII.

Начало и дальнѣйшее устройство Леушинской церковно-учительской школы.

Леушинская Учительская школа получила свое начало и наименованіе еще задолго до рѣшенія Училищнымъ при Св. Синодѣ Совѣтомъ учредить подобнаго типа женскія училища, а именно въ 1884 году. Совершилось это непредвидѣнно со стороны самой устроительницы ея игуменіи Таисіи слѣдующимъ образомъ: когда по открытіи маленькой сельской школы, для дѣтей мѣстныхъ прихожанъ Леушинскаго монастыря, крестьянъ деревни Леушина, состоявшагося 1-го октября 1881 г., игуменія Таисія прибыла съ докладомъ къ Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Исидору, то онъ, выразивъ свое благоволеніе, сказалъ ей: а вотъ великое благодѣяніе ты бы оказала для тѣхъ краевъ ближайшихъ съ вами уѣздовъ, если бы устроила что-либо въ родѣ пріюта для дѣвочекъ духовнаго званія. Иныя почему-либо не могутъ поступить въ Новгородское Епархіальное училище или по бѣдности родителей, какъ напр., какая-нибудь вдова дьячка, отдаленнаго села Бѣлозерскаго уѣзда; ей и ѣсть нечего, не только что такую даль везти дѣвочку, — вотъ и остается сирота безъ образованія, хоть въ пастушки нанимайся; а ты вотъ пріюти ихъ, да обучи, и великое это дѣло и святое! Всегда привыкшая признавать волю Божию въ волѣ своего начальника, игуменія Таисія отвѣтила: благословите, Владыко святой! Я готова на все за Ваши святые молитвы; но что же мы будемъ вырабатывать, какой курсъ, какъ и кого принимать, гдѣ помѣщать? и

вообще всё дальнѣйшіе вопросы!— «Какіе вопросы! иродолжалъ Владыко,—все въ твоихъ рукахъ пока и въ твоей головѣ, ты начни съ Богомъ и веди какъ знаешь, какъ позволятъ обстоятельства, а тамъ дѣло само себя укажетъ».

Буквально слѣдуя указанію Владыки, игуменія Таисія собрала пять-шесть сиротъ духовнаго званія ближайшихъ селъ; нашла благодѣтельницу, снабдившую ихъ на первое время платьемъ и постелями; пищу онѣ имѣли съ трапезы; одна изъ сестеръ, получившая образованіе, стала обучать ихъ наукамъ; дѣло пошло на столько успѣшно, что къ этимъ сиротамъ стали прибавлять и своекоштныхъ воспитанницъ, за которыхъ родители и родственники обязались платить по 75 р. въ годъ; эти взносы въ общемъ помогали дѣлу и оно росло и крѣпло, хотя еще и не имѣло ни имени, ни организаціи до времени прибытія въ монастырь перваго посѣтившаго ее архіерея Анастасія, Новгородскаго викарія, въ 1884 году для освященія вновь устроенной ограды вокругъ монастыря и для совершенія кругомъ ея крестнаго хода 24-го іюня въ день храмоваго праздника обители. Наканунѣ, оставшись вполне довольнымъ всѣми порядками училищъ, а равно и отвѣтами воспитанницъ, онъ тутъ же объявилъ, что, признавъ училище правильно поставленнымъ и полезнымъ, онъ готовъ ходатайствовать о предоставленіи ему самостоятельности и объ оказаніи ему поддержки и матеріальной. Съ такимъ представленіемъ отнесся Преосвященный Анастасій къ митрополиту Исидору, выясняя при семъ и первую существенную необходимость построить отдѣльное зданіе для сего училища. Благостный Владыка митрополитъ Исидоръ, весьма довольный уснѣшнымъ исходомъ дѣла, какъ бы шуткою начавшагося въ

Леушинѣ училища, потребовалъ къ себѣ игуменію Таисію, выразивъ ей свое довольство и благодарность, поручилъ ей составить планъ на постройку училищнаго зданія для помѣщенія 30 дѣвочекъ, обѣщая оплатить стоимость этого зданія, если таковая не превыситъ 6000 р. с. Ей же, игуменіи Таисіи, поручено было составить проектъ устава «Учительской женской школы», что и было ею исполнено. По разсмотрѣніи Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ сего проекта, онъ былъ одобренъ, утвержденъ и предоставленъ для исполненія, впрочемъ въ видѣ опыта на шесть лѣтъ, т. е. по числу лѣтъ курса, проходимаго сею школою съ тѣмъ, чтобы по окончаніи его, дать ей полную организацію. На основаніи этого проекта воспитательно-учебное дѣло началось, или вѣрнѣе сказать, продолжалось своимъ порядкомъ: какъ воспитательницы, такъ и учительницы были изъ числа сестеръ монастыря, окончившія курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, не говоря уже о томъ, что всѣ остальные служебныя обязанности въ училищѣ выполнялись сестрами; содержаніе воспитанницамъ предоставлялось монастыремъ бесплатно; лишь въ видѣ пособія къ сему одною изъ попечительницъ жертвовалось ежегодно около 90 пудовъ ржаной муки, одежда же и бѣлье окупались суммою получаемою со взносовъ за своекоштныхъ воспитанницъ.

Между тѣмъ, на ассигнованную митрополитомъ Исидоромъ сумму былъ построенъ большой двухъ-этажный деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ и покрытъ желѣзною крышей. Изъ временнаго помѣщенія въ одномъ изъ сестринскихъ корпусовъ, воспитанницы были переведены въ свое собственное училищное зданіе въ 1888 году, торжественно освященное въ 8-й день сентября въ день Рождества Пресвятыя Богородицы монастырскимъ бла-

гочиннымъ-настоятелемъ Валдайскаго Иверскаго монастыря о. Архимандритомъ Леонидомъ. Высокопреосвященнѣйшій покровитель и отецъ сиротъ, прислалъ любвеобильнаго содержанія телеграмму, заочно благословляя новоосвящаемое зданіе поселяющихся въ немъ дѣтей, и благодаря начальницу за труды и попеченія. Въ духовномъ торжествѣ принимали участіе также и представители свѣтской власти мѣстнаго города Череповца; торжество и радость были всеобщими, особенно же наполняли онѣ душу труженицы матери сиротъ—игуменіи Таисіи.

Но не судилъ ей Господь успокоиться по совершеніи этого великаго дѣла и даже, узрѣть плоды его! Только 8-го сентября поселились малютки въ новомъ своемъ прекрасномъ и тепломъ убѣжищѣ, а ровно черезъ три мѣсяца, декабря 14-го дня, оно отнято у нихъ пожаромъ, застигшимъ ихъ ночью и похитившимъ не голько зданіе, но и всю мебель, библіотеку, обильно снабженную Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ; все, все за исключеніемъ того, что находилось въ спальняхъ, изъ которыхъ полуодѣтыми и босыми, кое-какъ вытаскивали въ окна и провожали въ двери полусонныхъ дѣтей. Пожаръ начался въ нижнемъ этажѣ въ столовой у печи, надъ которою прогорѣлъ потолокъ и огонь, ворвавшись въ верхній этажъ въ классы, быстро распространился во всей половинѣ зданія. Когда въ 4 часа утра, сестры шли къ утрени, то увидѣли въ окнахъ училища игравшее пламя и бросились будить спящихъ тамъ. Ужасъ пожара, особенно, въ ночное время напрасно было бы и описывать; училища — этой недавней радости и успокоенія насельницъ Леушинской обители не стало, скорбь и ужасъ на подобіе отчаянія наполняли ихъ сердца. А что перечувствовать должна была настоятельница, увидѣвшая разрушенными

одною минутою свои долговременные и усиленные труды! Кромѣ жалости и скорби она испытывала еще и чувство страха отвѣтственности предъ Высокопреосвященнымъ митрополитомъ, отъ котораго справедливо могла ожидать выговора за недосмотръ, или что-либо подобное, тѣмъ болѣе, что причину пожара выяснить не было возможности, кромѣ только предположеній и догадокъ. Страшное предположеніе о поджогѣ мелькало въ разстроенныхъ мысляхъ бѣдной труженицы игуменіи: она хорошо знала, что далеко не всѣ сочувствовали возникновенію училища въ обители, и не только не сочувствовали, но и прямо называли это дѣло грѣховнымъ.

Первыми изъ таковыхъ были купцы Максимовы, стоявшіе въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ обители, какъ пожертвовавшіе землю для ея начальнаго устройства. Сами люди неграмотные, они враждебно смотрѣли на устройство школь и, не предполагая въ этомъ собственной воли митрополита Исидора, а только одно его снисходительное дозволеніе, неоднократно жаловались ему на какіе-то могущіе возникнуть соблазны, злоупотребленія въ обители отъ устройства въ ней школь.

Конечно, они могли имѣть себѣ сторонниковъ и въ обители, если не по тождеству таковыхъ взглядовъ, то просто изъ челоуѣкоугодія. Такое страшное предположеніе подтвердилось еще и тѣмъ, что случился этотъ пожаръ на другой день отъѣзда игуменьи въ Пошехонье за сборомъ, такъ какъ въ то время строился въ Леушинской обители соборный храмъ и, не имѣя никакихъ къ сему средствъ, игуменія Таисія сама трудилась въ сборѣ по сосѣднимъ и другимъ городамъ. Хотя предположенія эти имѣли довольно вѣсскія основанія, но она, тая ихъ въ глубинѣ души, страдала еще сильнѣе, особенно, когда близкіе къ Максимовымъ люди

стали подъ видомъ сочувствія, высказывать ей, что этотъ пожаръ есть ясное доказательство, какъ не угодно и противно Господу устройство училища въ монастырѣ, совѣтуя болѣе уже не возобновлять сего.

Къ счастью предусмотрительность начальницы внушила ей заблаговременно озаботиться застраховать новое зданіе, что она и исполнила въ октябрѣ мѣсяцѣ, т. е. мѣсяцъ спустя послѣ его населенія.

Только и съ этой стороны усматривалась непріятность: страховое общество, по своему обычаю, не выдало полной оцѣночной стоимости, и вмѣсто 6000 р. застраховало зданіе лишь въ 4000 рублей. Такъ какъ пожаръ случился уже въ половинѣ декабря, а около 20-го числа воспитанницы обычно распускались по домамъ, а ко времени ихъ прибытія, т. е. къ 8-му января, имъ приготовили ихъ прежнее помѣщеніе, въ одномъ изъ сестриныхъ корпусовъ. Не теряя времени, игуменія Таисія тотчасъ же донесла рапортомъ митрополиту Исидору, о постигшемъ ихъ несчастіи, а въ слѣдъ за симъ и сама отправилась къ нему для личнаго его рѣшенія. Съ стѣсненнымъ сердцемъ, подавленнымъ тяжелыми впечатлѣніями, она явилась къ Высокопреосвященному покровителю и Владыкѣ; принявъ его благословеніе она, какъ бы безсознательно, не дожидаясь его перваго слова сказала ему:

«Владыко, что у насъ сдѣлалось!» На это Владыка отвѣтилъ: «что же еще опять?» — «Училище наше сгорѣло!» и не будучи болѣе въ состояніи продолжать, она горько заплакала. Милостивый Владыка приказавъ ей сѣсть подлѣ себя, сказалъ: «ужь ты объ этомъ доносила, чтожъ одно и тоже толковать, лучше потолкуемъ, какъ дѣло поправить!» Тутъ же было рѣшено построить новое училищное зданіе, но уже каменное,

употребивъ на его постройку страховые 4000 р. и еще 4000 р. тутъ же ассигнованные благостнымъ Архипастыремъ изъ собственныхъ своихъ средствъ. Новгородскимъ епархіальнымъ архитекторомъ В. Елкашевымъ составленъ планъ, по которому и приступлено въ слѣдующемъ 1889-мъ году къ постройкѣ новаго каменнаго училищнаго зданія, на линіи съ корпусомъ настоятельницы, съ которымъ онъ и соединенъ 5-ти саженымъ каменнымъ коридоромъ (какъ существуетъ и понынѣ), для удобнѣйшаго и болѣе частаго наблюденія въ училищѣ самой настоятельницы. Всей суммы на постройку сего новаго училищнаго зданія употреблено было 9320 р. Изъ нихъ: оставшихся отъ постройки сгорѣвшаго зданія на окончательную отдѣлку его—480.

Страховой преміи получено—3890.

Пожертвованная кн. Э. облигація въ 1000 р. кр. общ. обмѣнена на деньги въ суммѣ—950 р. Высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Исидоромъ дано еще 4,000. Всего 9,320.

Въ августѣ 1889 года, при обзорѣннн здѣшнихъ мѣстностей Епархіи, посѣтилъ Леушинскую обитель, а съ нею и училище, бывшій Викарій Новгородскій, (нынѣ Московскій митрополитъ) Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ. Прибывъ поздно вечеромъ 11-го числа, Владыка ночевалъ въ монастырѣ и на слѣдующій день подробно обзорѣлъ какъ монастырь, такъ и училище, къ коему выразилъ особое вниманіе и довольство, о чемъ и донесъ Высокопреосвященнѣйшему Исидору.

Въ слѣдующемъ 1890 году, въ тотъ же самый день, въ который было совершено освященіе перваго училищнаго зданія, день Рождества Пресвятой Богородицы, 8-го сентября, состоялось освященіе и сего втораго училищнаго зданія; для чего Высокопреосвя-

ценнѣйшимъ митрополитомъ Исидоромъ былъ присланъ намѣстникъ его Невской лавры о. Архимандритъ Исаи, совершившій въ то же время и поднятіе крестовъ, на строившійся въ то время въ Леушинской обители каменный соборный храмъ. Торжество это было, конечно, сугубо радостное и величественное, какъ и само новое зданіе и качествомъ и красотою много превосходило сгорѣвшее. Обученіе и воспитаніе въ немъ дѣтей опять пошло своимъ обычнымъ порядкомъ.

Въ 1891-мъ году, по окончаніи шестилѣтняго курса первыхъ поступившихъ въ училище воспитанницъ, наступалъ первый выпускъ ихъ, а слѣдовательно и первые выпускные экзамены.

Донося о семъ Высокопреосвященному митрополиту Исидору, игуменія Таисія вмѣстѣ съ симъ просила командировать для производства таковыхъ экзаменовъ какое-либо, болѣе вліятельное лицо, которое вмѣстѣ съ симъ могло бы съ большимъ правомъ на довѣріе къ себѣ опредѣлить мѣру познаній воспитанницъ и качество ихъ воспитанія. Хотя этотъ годъ былъ шестой отъ начала училища—маленькимъ пріютомъ, а не со времени выработаннаго и даннаго на шестилѣтній опытъ проекта, но тѣмъ не менѣе, этотъ первый выпускъ какъ бы налагалъ первую печать на училище и въ глазахъ Синода и прочаго начальства и во мнѣніи окрестнаго населенія. Святѣйшій Синодъ командировалъ для производства сихъ экзаменовъ трехъ членовъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ и Учебнаго Комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія: В. И. Шемякина, А. А. Радонежскаго и Н. Н. Клирикова. Кромѣ сего прибылъ и Новгородскій Викарій, Преосвященный Антоній въ качествѣ предсѣдателя экзаменационной комиссіи.

Экзамены производились въ 9-й и 10-й день сентября, по совершеніи наканунѣ въ 8-й день сентября торжественнаго освященія соборнаго храма съ тремя прибывшими архіепископами, въ числѣ которыхъ и былъ Преосвященный Антоній.

Экзамены, какъ и ожидалось сошли блистательно, заслужили всеобщее одобреніе, что и выразилось въ милостивыхъ распоряженіяхъ начальства, изъ коихъ самое существенное было то, что училищу назначено временно (до окончанія шестилѣтняго срока, т. е. до 1894 года) ежегодное пособіе отъ Св. Синода. Въ семь первомъ выпускѣ окончили курсъ Леушинской учительской школы 9-ть воспитанницъ. Въ 1892 году послѣдовалъ второй выпускъ 12-ти воспитанницъ, перешедшихъ изъ 5 кл. въ 6-й послѣ перваго выпуска. Затѣмъ согласно шестилѣтнему курсу при 3-хъ классахъ (по 2 года въ классѣ), выпуски слѣдовали черезъ годъ, впредь до новой реорганизаціи курса.

Въ 1894 году послѣдовалъ 3-й выпускъ 9-ти воспитанницъ. Въ этомъ году минулъ срокъ пробному существованію училища. Вся организація его, равно и самая программа должны были или принять окончательную форму и утвердиться навсегда, или же быть измѣненными. Изъ Св. Синода была прислана на имя Высокопреосвященнаго архіепископа Новгородскаго Θεогноста, замѣстившаго Новгородскую Каѳедру послѣ смерти митрополита Исидора, при отдѣленіи ея отъ Петербургской, бумага, предоставлявшая ему совершить всестороннее обревизованіе всего дѣла Леушинскаго женскаго училища и произвести, какъ выпускные, такъ и переводные экзамены и опредѣлить окончательно: что именно нужно и желательно для полной и рѣшительной организаціи Леушинской учительской школы.

Возвести ли ее на степень Епархіального женскаго училища, или же для упрощенія дѣла, дать ей типъ двухъ-классной школы?

Г-мъ Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ былъ командированъ служащій въ Училищномъ Совѣтѣ при Св. Синодѣ Г-нъ А. М. Ванчаковъ.

23-го дня іюня мѣсяца 1894 г. были произведены экзамены воспитанницамъ какъ выпускные, такъ и переводные по всѣмъ предметамъ, и все училищное дѣло, какъ учебное, такъ и воспитательное подверглось подробному анализу. Результатомъ всего этого оно было признано заслуживающимъ поддержки, состоящей въ ежегодномъ денежномъ пособіи отъ Св. Синода.

Программа одобрена и оставлена неизмѣненною равно какъ и само училище сохранило за собою свою первую организацію и наименованіе «Учительской женской школы».

Въ виду поддержанія и расширенія такого благого дѣла, предположено увеличить самое зданіе училища, сдѣлавъ къ нему пристройку въ обоихъ этажахъ. Вообще съ 1891 г. т. е. со времени 1-го выпуска юныхъ учительницъ, воспитанныхъ въ вполнѣ желательномъ видѣ, при всестороннихъ лишеніяхъ и трудностяхъ Леушинской обители, неуспыннымъ попеченіемъ и многими скорбями игуменіи Таисіи, доставшимися на ея долю при этомъ дѣлѣ, всѣ начальствующія лица Св. Синода и Новгородскіе Іерархи стали относиться къ Леушинскому училищу весьма сочувственно и отзывчиво. Конечно, обо всемъ приходилось игуменіи просить и умолять, но въ этомъ она затруднялась только развѣ изъ опасенія надоѣсть своими просьбами; съ другой же стороны, не имѣя другого исхода,—прибѣгала къ просьбамъ. Такъ напримѣръ, писала она Г-ну Си-

нодальному Оберъ-Прокурору, всегда оказывавшему ей большое сочувствіе:

«Ваше Высокопревосходительство!

Простите меня обычнымъ Вашимъ великодушіемъ, что я рѣшилась утруждать вниманіе Ваше этими строками! Но я не могу излагать, хотя и съ дозволенія Вашего дѣло, рѣшеніе коего отъ Васъ зависитъ,—не повергнувъ, хотя бы заочно, предъ Вами мою слезную горячую просьбу. Вы благодѣтель Россіи, въ смыслѣ ея религіозно-нравственнаго просвѣщенія! Не оставьте же, не пренебрегите и здѣшняго ея пустыннаго уголка, въ коемъ не случайно же, не напрасно же «Премудрость Божія создала себѣ домъ», чего никто изъ здѣшнихъ ожидать не могъ. Если какое мѣстечко Велико-россіи нуждается въ просвѣщеніи, въ томъ именно духѣ, въ какомъ оно желательно Вамъ, благомыслящіе «Дѣлатели Вертограда Христова», то именно мѣстечко здѣшнее, хотя и просвѣщенное, и даже инымъ свѣтящее, но не лучами солнца правды, а искусственнымъ блескомъ, заграждающимъ истинный свѣтъ. Отецъ нашъ! (простите, что такъ выразилась, но отъ избытка сердца уста глаголють не всегда сдержанно и формально) не для себя хлопочу я не для себя прошу милости и утруждаю Васъ; знаю, что тѣмъ могу подвергнуть себя скорби сдѣлать Вамъ непріятное, что для меня и останется лишь неоплакиваемымъ горемъ, но не оскорбитесь на меня, войдите въ мое положеніе, ибо я самоотверженно, всецѣло приношу себя въ жертву для блага сиротъ. Сама я одинокая пустынница-инокиня, съ 18-ти лѣтняго возраста отчуждившаяся міра, и мнѣ вождельно одинъ миръ душевный въ Богѣ и уединеніе. Но душа моя любитъ малыхъ сиротъ «таковыхъ бо есть

Царствіе Божіе» и кто пріиметь сироту, пріиметь Самого Отца ихъ. Обители иноческія болѣе, чѣмъ какія-либо свѣтскія учрежденія должны содѣйствовать духовному просвѣщенію людей, своихъ младшихъ по духу братій и тѣмъ помогать Своей Общей Матери—Св. Церкви. Мы понимаемъ это, хотимъ служить Богу, но мы немощны и слабы и сами нищи. Помогите намъ, прострите руку, и мы опернимся на ея мощность, совершимъ, можетъ быть, и что-нибудь хорошее.

Простите и простите, Ваше Высокопревосходительство, послушницу Вашу недостойную И. Г.»

Въ 1895-мъ году была уже окончена и пристройка въ обоихъ этажахъ Училищнаго зданія. Когда затѣмъ въ 1896 году послѣдовалъ 4-й выпускъ 7-ми воспитанницъ. экзамены, которые почтилъ опять своимъ присутвіемъ Высокопреосвященнѣйшій Θεогностъ, онъ осматривалъ эту пристройку и донесъ о ней Святѣйшему Синоду.

Въ 1897 году Владыка Θεогностъ снова посѣтилъ Леушинскую обитель, прибывъ туда 11-го дня іюня. На слѣдующее утро пріѣхалъ туда и Высокопреосвященнѣйшій Гурій (нынѣ Архіепископъ Новгородскій, бывшій тогда Предсѣдателемъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ). Оба Іерарха совмѣстно изволили произвести экзамены старшихъ классовъ. Оба они остались весьма довольны результатами экзаменовъ, особенно же пѣніемъ воспитанницъ, выполнявшихъ самостоятельно весь чинъ богослуженія и пѣніемъ и чтеніемъ, канонарханіемъ и даже понамареніемъ. Церковь домовая смежная съ настоятельскими кельями, по другую сторону соединенными съ училищемъ, сдѣлалась теперь училищною, въ коей и совершались Богослуженія въ

праздничные дни, Завѣдующимъ школою и ея Законо-учителемъ.

Въ 1898 году послѣдовалъ 5-й выпускъ воспитанницъ, окончившихъ курсъ въ числѣ 12-ти человекъ. Высокопреосвященнѣйшій Θεогностъ опять посѣтилъ Леушинскую обитель и производилъ экзамены воспитанницамъ. Всегда благостный и кроткій онъ, и на этотъ разъ остался доволенъ и благодарилъ всѣхъ трудившихся въ дѣлѣ воспитанія юношества.

Между тѣмъ началась разработка Св. Синодомъ вопроса объ учрежденіи «Учительскихъ церковныхъ школъ». Напрасно было бы и упоминать сколько заботы было игуменіи Таисіи о томъ, чтобы ея-то излюбленное дѣтище, на которое она уже употребила столько трудовъ и здоровья, было причтено къ разряду этихъ нововозникавшихъ школъ, хотя въ существѣ дѣла ея школа и была уже таковою, но она не имѣла еще и настоящей организаціи. не только официальной утвержденія.

Къ слѣдующему году Леушинская школа готовилась сдать еще 17 будущихъ воспитанницъ. Опытъ доказалъ, что онѣ, учительницы, вышедшія изъ Леушинской школы, соотвѣтствуютъ наиболѣе своему призванію, почему ни одна изъ нихъ не оставалась безъ мѣста учительницы, которое ей всегда охотно предоставлялось.

Такое положеніе школы въ глазахъ высшаго духовнаго начальства и въ общемъ мнѣніи окрестнаго населенія, было причиною того, что находилось весьма много желающихъ помѣщать туда своихъ дѣтей. Четвертая доля искавшая поступить бесплатно не могла быть удовлетворяема. Такъ напр., при 8-ми казенныхъ ваканціяхъ, прошеній поступало до 30 и болѣе. Число своеконитныхъ воспитанницъ для поступленія не было

ограничено, но тѣснота помѣщенія, годъ отъ года ска- зывавшаяся все сильнѣе, не позволяла принимать и по- слѣднихъ.

Между тѣмъ тѣснота въ помѣщеніи ощущалась и между сестрами монастыря, разросшагося отъ 60 чело- вѣкъ, принятыхъ игуменію Таисією при ея поступленіи въ началѣ 1881-го года, до 400 и болѣе.

Правда ею было построено уже много корпусовъ, но всѣ таковыя не удовлетворяли еще помѣщенію; та- кимъ образомъ и для сестеръ и для воспитанницъ тре- бовалось увеличеніе зданій. Чтобы какъ-нибудь помочь этимъ нуждамъ, игуменія пришла къ слѣдующему за- ключенію:

предложить Синоду предоставить, имѣющееся учи- лищное зданіе въ собственность и пользу монастыря съ тѣмъ, чтобы монастырь взялъ на себя обязательство из- расходовать на постройку новаго зданія для школы всю ту сумму, каковая была затрачена въ разное время, на это существующее, но уже тѣсное для школы зданіе. Конечно, новое училищное зданіе долженствовало пре- взойти старое чуть ли не двойнымъ объемомъ, иначе не достигалась цѣль; поэтому и стоимость его почти вдвое превышала стоимость суммы, которую долженъ былъ за- тратить монастырь. Приходилось снова обратиться къ помощи Св. Синода. Этотъ свой проектъ игуменія сооб- щила Архіепископу Θεогносту, какъ единственно воз- можный исходъ. Обсудивъ дѣло, Владыка одобрилъ проектъ. представилъ его Училищному при Св. Синодѣ Совѣту и, въ результатъ, поручили игуменіи оформить дѣло, опре- дѣлить стоимость прежняго зданія, которая, какъ вы- яснилось изъ отчетовъ, равнялась 16,295 р., составить планъ и смѣту, ограничивъ однако, что болѣе 12,500 р. Синодъ выдать отказывается.

Предположивъ, что на 28,800 р. можно будетъ построить довольно обширное зданіе, какъ значилось на изготовленномъ планѣ, въ 25 саж. длины, игуменія взялась за дѣло и стала усердно о немъ хлопотать. Но вскорѣ въ планѣ усмотрѣна была ошибка, а именно та, что архитекторъ не вполне соразмѣрилъ ширину зданія съ его длиною, назначивъ ширину только 7 саж. Это было усмотрѣно Предсѣдателемъ Училищнаго Сосѣвѣта Высокопреосвященнѣйшимъ Гуріемъ, который и предложилъ игуменіи вмѣсто 7 сажень пустить 9 саж. въ ширину. Само собою разумѣется, что таковая прибавка въ 2 саж. во всѣхъ поперечныхъ стѣнахъ зданія во всю его высоту вызвала и лишнія затраты. Но противъ сего она не дозволила себѣ и возразить, радуясь, что ей простерли руку помощи. Въ тотъ же 1899-й годъ приступила она къ постройкѣ.

Когда въ 1900-мъ году Высокопреосвященнѣйшій Θεогностъ прибылъ въ Леушинскую обитель для производства экзаменовъ, при выпускѣ 17 воспитанницъ, онъ уже увидѣлъ начавшуюся постройку.

Игуменія Таисія снова убѣдительно просила его ходатайствовать, чтобы ея школа по праву давности и по справедливости заслугъ была причтена къ разряду нововозникавшихъ «Учительскихъ школъ», такъ какъ этимъ самымъ будетъ положено ей твердое основаніе, надежная будущность и матеріальное обезпеченіе, согласно общему положенію о сихъ школахъ.

Въ 1901 году Преосвященнѣйшій Гурій, посѣтилъ Леушинскій монастырь и 31 мая и 1 іюня произвелъ испытанія воспитанницамъ старшихъ классовъ по всѣмъ предметамъ. Благостный Архипастырь видимо остался доволенъ и вновь подтвердилъ обѣщаніе содѣйствовать окончательной организаціи школы и снабженіемъ ея

надлежащимъ пособіемъ. Впрочемъ этотъ вопросъ въ проектѣ былъ уже рѣшенъ, но на бумагахъ не выясненъ. Кромѣ сего Владыка обратилъ вниманіе на строившійся домъ для Учительской школы, который, хотя ему понравился вмѣстительностью и всѣмъ, но онъ рекомендовалъ Игуменіи Таисіи устроить вмѣсто деревянной лѣстницы чугунную, а вмѣсто холодныхъ ретирадъ—теплые съ водопроводами. Онъ принялъ на себя ходатайство объ отпускѣ на сей предметъ суммы, каковая и была отпущена и употреблена по назначенію.

Въ томъ же 1901 году, въ концѣ августа, когда по минованіи лѣтнихъ каникулъ возобновились засѣданія въ Училищномъ при Св. Синодѣ Совѣтѣ и когда, наконецъ, должна была рѣшиться въ томъ или другомъ видѣ судьба Леушинской школы, Игуменія Таисія успѣшила повторить свою докучливую просьбу Училищному Совѣту. Ей предложили изложить дѣло на бумагахъ въ форменномъ докладѣ, что и было исполнено ею тутъ же въ Канцеляріи, гдѣ она тотчасъ же собственноручно и написала и подала докладъ. Эти послѣднія хлопоты Игуменіи Таисіи достигли вполне желаемыхъ результатовъ, ради которыхъ она работала 20 лѣтъ, но онѣ оказались роковыми для нея самой лично. Постоянно напряженное еостояніе души въ заботахъ и трудахъ по монастырю и по школѣ, непрерывныя переписки, просьбы, затруднительность и сложность ихъ, безъизвѣстность ихъ результатовъ, трепетное чувство опасенія, и т. п. надломили ея крѣпкій организмъ и вотъ, вернувшись, послѣ подачи помянутаго доклада, она сряду слегла въ постель, заболѣвъ опаснѣйшимъ недугомъ. Не дни, а часы ея жизни были сосчитаны врачами, слезы и вопли сестеръ не поддаются описанію; да и не только сестры, но и міряне, знавшіе труженицу, и начальствующія

лица жалѣли ее. На другой же день ея болѣзни пріѣхали навѣстить ее Предсѣдатель Учил. Сов. Протоіерей П. И. Соколовъ и Товарищъ Оберъ-Прокурора Св. Синода В. К. Саблеръ. Пріѣхаль и духовный Отець ея Прот. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ; затѣмъ онъ ежедневно навѣщаль ее, усердно молился объ исцѣленіи и утѣщаль ее. Однажды встрѣтивъ у нея врача, г-жу Печковскую, онъ сказалъ ей»: «будемте поднимать больную, — она нужна еще», на что г. П. отвѣтила: — «развѣ чудомъ, Батюшка, — такія болѣзни переживаетъ лишь одинъ изъ сотни, а матушкѣ ужъ слишкомъ 60 лѣтъ». Однако за молитвы великаго молитвенника о. Іоанна И. Т. поправилась и мѣсяца черезъ полтора вернулась въ обитель на общую радость.

Между тѣмъ и Училищное зданіе къ наступленію учебнаго года т. е. къ сентябрю мѣсяцу было совсѣмъ готово, и воспитанницамъ можно было въ немъ поселиться. Однако изъ предосторожности онѣ были оставлены въ прежнемъ зданіи; а въ виду тѣсноты помѣщенія въ спальняхъ, для нихъ освобождена была, въ одномъ изъ монастырскихъ корпусовъ наибольшая келья, занимаемая прежде монастырской рукодѣльной.

Лишь послѣ Пасхи 1902 года воспитанницы перешли въ новое зданіе, гдѣ занимались уроками, столовали, пили чай и вообще проводили цѣлый день, а ночевали все же въ прежнемъ зданіи. Наконецъ, предъ самымъ пріѣздомъ Владыки, они окончательно перешли туда.

23-го мая въ день Вознесенія Господня въ 9-мъ часу утра колокольный звонъ возвѣстилъ о прибытіи архипастыря, предполагавшаго отслужить въ этотъ день Божественную литургію въ соборномъ монастырскомъ храмѣ, а послѣ нея совершить освященіе новаго училищнаго зданія.

Послѣ литургіи Владыка, въ сопровожденіи всего духовенства, предшествуемый воспитанницами, пѣвшими тропарь Вознесенію, направился съ крестнымъ ходомъ въ новое училищное зданіе, гдѣ въ актовомъ залѣ было приготовлено все необходимое для водоосвященія. Владыка самъ совершилъ чинъ его и самъ же окропилъ св. водою все зданіе, вышедши изъ зала въ классы, въ коридоры, затѣмъ въ спальни, столовую и кухню, откуда вернулся уже другимъ ходомъ въ тотъ же залъ. На другой день въ 8 часовъ утра Владыка началъ экзамены.

На слѣдующій день 25-го мая, день рожденія Императрицы Александры Θεодоровны, предстояло много торжественныхъ событій: освященіе народной читальни и чайной, производство выпускного акта и прежде всего вторичное служеніе Архіепископа.

А К Т Ъ.

Во второмъ часу всѣ отправились въ новое училищное зданіе, гдѣ въ залѣ было все приготовлено къ торжеству акта. Противъ самага входа на противоположной стѣнѣ, на срединѣ, помѣщался большой стоячій кіотъ съ большою иконою Св. Ап. Евангелиста Іоанна Богослова, сѣдящаго на престолѣ съ орломъ на главѣ, съ книгою на колѣняхъ, какъ начальникъ Богословія. По срединѣ зала, нѣсколько правѣе отъ входа, былъ приготовленъ столъ подъ зеленымъ сукномъ, окруженный въ три ряда стульями, среди которыхъ въ 1-мъ ряду стояло кресло для Высокопреосвященнѣйшаго Гурія, рядомъ для Губернатора, для Епархіальнаго Наблюдателя г-на Спасскаго и др. гостей. По лѣвую руку отъ входа помѣстились всѣ воспитанницы (изъ коихъ

110 человекъ пѣвчихъ) со своими 14 скрипками, виолончелью и фисгармоніей. При входѣ Владыки былъ пропѣтъ тропарь: «Днесъ благодать Св. Духа насъ собра», послѣ чего по знаку Владыки всѣ заняли мѣста.

Завѣдующій Учительской Школою, священникъ Н. Нумеровъ, началъ читать приготовленную имъ рѣчь, по окончаніи которой, соотвѣтственно ея содержанію, былъ пропѣтъ воспитанницами гимнъ Св. Равноапостольнымъ Кириллу и Меѳодію. Вслѣдъ за симъ г-нъ Епархіальный Наблюдатель Спасскій прочелъ отчетъ о состояніи училища за истекшій учебный 1901—1902 г., каковое чтеніе г-нъ Спасскій пополнялъ своими поясненіями, клонившимися въ пользу училища. По прочтеніи отчета, оркестромъ воспитанницъ въ 14 скрипокъ съ виолончелью и фисгармоніей и хоромъ изъ нихъ же въ 100 голосовъ былъ исполненъ гимнъ Гинсбурга: «Многи лѣта». Это произвело на всѣхъ, не исключая самого Владыки и Губернатора, самое пріятное впечатлѣніе. Вслѣдъ за этимъ были пропѣты разные гимны и стихи съ перерывами, раздачею наградныхъ книгъ, производимою самимъ Владыкою; по окончаніи чего онъ обратился къ воспитанницамъ, только что пропѣвшихъ гимнъ: «Житейское море играетъ волной»... приблизительно съ слѣдующею рѣчью: Сейчасъ вы пропѣли гимнъ: «Житейское море». Вотъ вы, юныя питомицы здѣшняго училища, оставляете это училище и выходите въ міръ. Васъ страшитъ этотъ шагъ и тревожитъ безвѣстность доли, которая выпадетъ каждой изъ васъ среди этого міра съ его тревоженіями. Но не страшитесь, не бойтесь міра! Его давно побѣдилъ Христосъ, и вѣра наша во Христа есть побѣда, побѣдившая міръ, по слову Апостола: «Кто есть побѣждающій міръ, вѣрующій во Иисуса Христа» (I Іоан. 5, 4). Слѣдовательно намъ, вѣ-

рующимъ, нечего бояться міра съ его тревоженіями и суетою, а надо бояться грѣха,—грѣха бойтесь, который разлучаетъ насъ съ Богомъ и губитъ наши души, вотъ чего надо бояться! Если вы будете ходить по заповѣдямъ Божиимъ, стараться объ исполненіи ихъ, стараться служить на пользу и назиданіе ближнихъ, что составляетъ прямую обязанность каждаго христіанина, а тѣмъ болѣе каждаго наставника и учителя или учительницы, то вамъ и страшиться нечего, вы пойдете правильнымъ путемъ, путемъ Евангельскимъ, который указанъ намъ самимъ Христомъ, Побѣдителемъ міра съ его соблазнами.

Итакъ выходите съ Богомъ на предстоящее вамъ поприще учительскаго труда; учите словомъ и примѣромъ, помятуя слова Спасителя: «Иже сотворитъ и научитъ—велій наречется въ Царствіи Небесномъ». Благословеніе Божіе да пребываетъ надъ вами, закончилъ Владыка, осѣняя ихъ святительскимъ благословеніемъ.

Какъ бы въ отвѣтъ благодѣйшему своему Архипастырю одна изъ выпускныхъ воспитанницъ, дочь священника—Серафима Миловская, вошла и, подавая Владыкѣ листъ написаннаго нарочито на сей случай стихотворенія, прочла его наизусть:

«Святитель! праздникъ намъ опять насталь священ-
ный,

Вотъ снова видимъ мы Тебя передъ собой,
Твой свѣтлый кроткій взоръ, любовью вдохновен-
ный,

И слышимъ ласковый, пріятный говоръ Твой.

Однимъ счастливымъ днемъ еще обогатилась

Жизнь наша юная въ училищѣ родномъ,

И радости лучомъ еще преозарилась.

Но, словно что то грустное таятся въ счастья семь.

Вотъ день еще иль два, и школу мы оставимъ,

А съ нею и Тебя, Владыка нашъ родной!
Увидимся-ль еще, Богъ вѣсть, про то не знаемъ,
А грустно, тяжело разстаться намъ съ Тобой.
О, не забудь, Отецъ, насъ, дѣтокъ благодарныхъ
И преданныхъ Тебѣ до гробовой доски;
И во святыхъ Твоихъ молитвахъ благодатныхъ
Къ Спасителю Христу насъ, юныхъ, помани!
Да низведетъ Господь Свое благословенье
На нашъ исходъ на скользкій жизни путь;
Въ хаосѣ жизненномъ да дастъ намъ подкрѣпленье
Въ минуты трудныя, чтобъ намъ не поскользнуть.
Твою десницу, намъ любовію простерту,
Не отыми отъ насъ за прагомъ сихъ воротъ,
И сердце отчее, любовію согрѣто,
Да не покинетъ насъ, Леушинскихъ сиротъ!»

Это стихотвореніе, не мудрое и не сложное, исполнено простоты и самыхъ искреннихъ чувствъ дѣтской любящей и благодарной души. Говорившая его воспитанница едва могла сдерживать слезы, просившіяся вылиться отъ избытка сердца.

Хотя не сама она сочиняла эти строки, но онѣ вполне отвѣчали тѣмъ чувствамъ, которыя наполняли сердца всѣхъ воспитанницъ и которыя хорошо были извѣстны составившей это стихотвореніе, равно какъ и второе, сказанное другою воспитанницею Ивановою. обращенное къ оставляемымъ ими обители и школѣ. воспитавшимъ ихъ въ истинно-христіанскомъ направленіи:

«Обитель тихая, убѣжище родное,
И школа милая, священная для насъ!
Какой привѣтъ, или какое слово
Мы принесемъ тебѣ въ прощальный этотъ часъ?
Счастливы были мы въ стѣнахъ твоихъ священ-
ныхъ,
Подъ кровомъ родственнымъ пекущихся о насъ;

И эти дни для насъ на вѣки незабвенны,
Не разъ вспоманемъ ихъ въ тяжелый жизни часъ.
Теперь въ вратахъ твоихъ стоимъ мы на порогѣ;
Широкий кругозоръ открылъ намъ всѣ пути,
И сердце дѣтское исполнилось тревоги,
Безвѣстенъ, страшенъ путь, которымъ намъ идти.
Что ждетъ насъ впереди? лишь трудъ и трудъ
успѣльный,

Тернистый путь на поприщѣ святомъ;
Для многихъ, можетъ быть, скорбями изобильный,
Какъ общій путь сиротъ въ пріютѣ не родномъ.
Но не страшитъ онъ насъ, путь трудный и тер-
нистый,

Стопою смѣлою вступаемъ мы въ него,
О, даль бы лишь Господь намъ совѣстію чистой
Служить на пользу всѣмъ, во славу для Него!
Лишь даль бы намъ Господь быть свѣточемъ для
братій,

Для люда темнаго селеній и полей,
Малютокъ ихъ вмѣстить въ простертыя объята,
Любить и вразумлять, какъ мать своихъ дѣтей,
Задача наша въ семь, мы то давно сознали,
Прочувствовавъ душой, проникли и умою;
Въ семь счастье на землѣ себѣ предначертали,
Стремилися къ сему, мечтали лишь о семь!
И вотъ настала нашъ часъ, пришла пора разстаться,
Съ тобою навсегда, Обитель, нашъ покровъ;
Какъ воинамъ на брань, пора намъ ополчаться,
Имѣя вѣру—щитъ, а знаменьемъ—любовь!
Ты вдохновила насъ надеждой, упованьемъ,
Любовію къ добру и вѣрою святой,
Благослови же насъ осуществить призванье,
Прости, молись за насъ, взлелѣянныхъ тобой!»

Тронутый Архипастыръ выразилъ полное довольство и поблагодарилъ воспитанницъ за ихъ неподдѣльные простосердечныя отношенія какъ къ нему лично, такъ и къ Обители и нколѣ.

Такъ окончился актъ VII выпуска со времени существованія Леушинской церковно-учительской школы. Такъ какъ прежде курсъ школы былъ двухъ-классный, т. е. въ каждомъ классѣ воспитанницы оставались по два года, то и выпускъ черезъ годъ, но не смотря на это—нынѣшній уже, 7-й выпускъ.

Выходя изъ актовaго зала, Владыка предложилъ г-ну Губернатору пройти осмотрѣть все новое училищное зданіе, ихъ сопровождалъ и г-нъ Епархіальный Наблюдатель.

Такъ состоялось освященіе новаго прекраснаго зданія Леушинской церковно-учительской женской школы. Зданіе это устроено на средства частью выданныя Училищнымъ при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтомъ, частью же на собственные средства Леушинскаго монастыря.

Къ этому же времени послѣдовала и окончательная организація школы, во исполненіе послѣдняго ходатайства игуменіи Таисіи, такъ дорого ей стоившаго. Школу зачислили въ разрядъ «женскихъ учительскихъ школъ» и ассигновали ей субсидію по штату послѣднихъ 9000 р. въ годъ.

Такимъ образомъ эта школа велась своею учредительницею Игуменіею Таисіею чрезъ всѣ прерогативы, тернистымъ, труднымъ путемъ, но велась твердою и умѣлою рукой. Сначала она существовала отъ монастыря, дѣлившаго съ сиротами буквально послѣдній кусокъ хлѣба, потомъ стала получать пособія отъ Начальства постепенно увеличивавшимися суммами, а именно: по 150 р. въ годъ,—по 600 р., по 1200 р., по 1500 р., по 9000 р.

При послѣднихъ условіяхъ учредительница и Попечительница ея, она же въ то время была и Началь-

ница школы, вздохнула свободно. Но самой ей не пришлось уже завѣдывать школою, во 1-хъ потому, что, въ силу «положенія объ учительскихъ школахъ», въ нихъ не полагалось должности начальницы, а все дѣло, какъ учебное, такъ и хозяйственное, предоставлялось «Завѣдующему», каковой обязательно долженъ быть священникомъ и при томъ съ академическимъ образованіемъ, но и тутъ могло бы быть сдѣлано исключеніе, въ виду заслугъ Игуменіи Таисіи для школы и ея въ ней многополезной и многолѣтней дѣятельности. Вторая же и главная причина заключалась въ старчески разстроенномъ состояніи здоровья Игуменіи, уназдкѣ силъ вообще, особенно болѣзни ногъ, не дозволявшей ей посѣщать школу. Сложивъ съ себя начальственные по школѣ должности, она осталась лишь Попечительницею ея, и принимаетъ дѣятельное участіе въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Совѣта, такъ какъ въ настоящее время школа имѣетъ свой педагогическій Совѣтъ, подвѣдомый Епархіальному Училищному Совѣту, который въ свою очередь подчиняется Училищному при Св. Синодѣ Совѣту.

Въ 1906-мъ году субсидія школы еще увеличена по всѣмъ статьямъ, такъ что, вмѣсто 9 тысячъ, получавшихся за послѣднее время, теперь субсидія ея отъ казны равна 16-ти тысячамъ, кромѣ получаемыхъ на долю двухъ-классной школы, находящейся въ связи съ Учительской и помѣщающейся въ одномъ съ нею зданіи. Кромѣ пособія, получаемого отъ Св. Синода, т. е. отъ Училищнаго при немъ Совѣта, школа получаетъ еще отъ Новгородскаго епархіальнаго свѣчнаго завода на 15 стипендій для сиротъ духовенства, а также и взносы за своекоштныхъ воспитанницъ. Стипендіатокъ казенныхъ отъ Св. Синода въ Учительской школѣ 40 чел.

Всѣхъ воспитанницъ, живущихъ въ общежитіи на полномъ содержаніи, постоянно бываетъ не менѣе 150 дѣвицъ.

ГЛАВА VIII.

Каменный трехпрестольный соборный храмъ.

Въ повѣствованіи о сооруженіи въ Леушинскомъ монастырѣ перваго каменнаго (соборнаго) храма мы приведемъ точную выпись изъ брошюры, напечатанной ко дню освященія его и помѣщаемой здѣсь слово въ слово:

«Велій еси Господи, и чудна дѣла Твоя!» Этими словами приличнѣе всего начать это краткое повѣствованіе о сооруженіи сего, нынѣ освященнаго храма Божія. «Велій еси, Господи, и чудна дѣла Твоя!»

Кто могъ предположить, что въ такой бѣдной и новой обители, среди глухой пустынной мѣстности и притомъ въ столь краткое время могъ соорудиться такой храмъ, и громадностью и величіемъ своимъ превосходящій всѣ храмы сосѣдственныхъ селъ и городовъ? Кому неизвѣстна скудость обители, существующей не болѣе 17 лѣтъ, и существующей исключительно однѣми подаваемыми ей во имя Христа милостынями?

До сего времени обитель эта не имѣла отдѣльнаго храма, довольствуясь небольшою домовою церковью, невмѣщавшею и 4-й доли посѣщавшихъ ее богомольцевъ. Много скорбѣли о семъ настоятельница и сестры монастыря. скорбѣли не о томъ только, что не имѣютъ болѣе просторнаго храма, а о томъ именно,

что не могутъ удовлетворить религіозной потребности православныхъ, иногда издалека приходившихъ помолиться въ обитель, и не имѣвшихъ мѣста въ храмѣ ея, принужденныхъ тѣсниться гдѣ-либо на паперти, или на улицѣ подъ окнами церкви, но и это доступно лишь въ лѣтнюю пору при хорошей погодѣ.

Скудость средствъ, недостаточныхъ иногда и на пропитаніе сестеръ, число которыхъ съ каждымъ годомъ умножалось, не представляла никакой возможности рѣшиться на такую капитальную постройку. Впрочемъ мысль о неизбѣжности ея не покидала настоятельницы; она сдѣлалась ея завѣтною мечтою. Представлявшіяся при этомъ препятствія и затрудненія, конечно, устрашали ее, но, съ другой стороны, сознаніе необходимости и важности дѣла укрѣпляло вѣру въ помощь и заступничество промысла Божія. Чаще всего приводила она себѣ на память дивную исторію чудеснаго сооруженія Великой церкви Кіево-Печерскаго монастыря при преподобныхъ Антоніи и Феодосіи.

«Конечно, думала она, наша обитель съ ея насельницами не то, что была въ тѣ времена Печерская обитель съ ея подвижниками, но Богоматерь-то все та-же могучая Помощница своимъ рабамъ, а религіозныя потребности настоящаго времени едва ли еще не болѣе требуютъ удовлетворенія, въ силу ослабленія вѣры и благочестія». При этомъ она возымѣла искреннее желаніе, именно въ той Богомъ созданной церкви Печерской, предъ чудотворною иконою Богоматери излить свои усердныя молитвы о ниспосланіи благословенія Пречистой на созиданіе храма въ честь Ея, и о подкрѣпленіи вѣры и силы къ начатію великаго сего дѣла. Осенью 1886 г., съ разрѣшенія Епархіальнаго начальства, игуменія Таисія и поѣхала въ Кіевъ для

означенной цѣли. Надежда не обманула ее; она дѣйствительно получила подкрѣпленіе вѣры въ помощь свыше и рѣшимость начать великое дѣло. По возвращеніи въ обитель, она получила и очевидное увѣршеніе въ томъ, что это начинаніе угодно и пріятно Богоматери и благословлено Ею.

Вотъ какъ говорить въ своихъ келейныхъ запискахъ сама Игуменія Таисія объ этомъ очевидномъ доказательствѣ того, что дѣло это угодно и пріятно Владычицѣ и благословлено Ею.

Вернулась я изъ Кіева 25 ноября вечеромъ, совершенно разбитая физически (ибо 180 вер. пришлось ѣхать лошадыми отъ Ярославля), но подкрѣпленная духомъ. 27-го ноября—день нашего Новгородского праздника—Знаменія Божіей Матери. Утренняя у насъ бывала въ 5-ть часовъ, а я, проснувшись въ 4-мъ часу на 27-е, совсѣмъ справилась идти въ церковь, но оставшееся до благовѣста время прислонилась подремать. И вотъ въ этотъ краткій промежутокъ Царица Небесная благословила и мнѣ недостойной явить Знаменіе милости Своей слѣдующимъ образомъ. Видится мнѣ, что всѣ мы, сестры, находимся какъ бы послѣ литургіи въ нашей домово́й церкви и готовимся идти крестнымъ ходомъ на встрѣчу Царицѣ. У всѣхъ въ рукахъ зажженные свѣчи, а у меня, кромѣ того, еще большая, толстая свѣча, не зажженная, которую я, зажегши отъ своей свѣчи, должна подать самой Царицѣ, когда она войдетъ.

Всѣ мы крестнымъ ходомъ вышли на площадь монастыря, гдѣ предположена была постройка храма,—и остановились въ ожиданіи. Долго, однако, пришлось намъ ждать, и отъ свѣчей нашихъ остались лишь догоравшіе огарки.

Наконецъ вдали, за св. воротами на горизонтѣ показалося какъ бы восходящее солнце, между тѣмъ

какъ былъ яркій полдень и солнце стояло надъ головами. Мы стали вглядываться и увидѣли, что оно не поднимается кверху, а просто гладко и быстро движется по землѣ, приближаясь къ св. вратамъ. По мѣрѣ приближенія его можно было ясно разсмотрѣть, что этотъ солнечный шаръ не круглый, а овальный, т. е. продолговатый и именно въ центрѣ его заключается тоже овальной же формы какъ бы самое ядро свѣта. Когда оно подошло еще ближе, то уже ясно было видимо, что это была Царица Небесная, какъ солнце, сіяющая, испускающая лучи во всѣ стороны, на подобіе овальнаго круга. Какъ только вступила она въ св. врата, надъ Нею въ небѣ зацѣли невидимыя силы, входное: «Достойно есть», имъ вторили на землѣ сестры, раздался перезвонъ колоколовъ и чувствовалось и ощущалось нѣчто необычное. Между тѣмъ я, объятая какимъ то сверхъестественнымъ восторгомъ, имѣя однако въ себѣ еще силу размышлять о томъ, надо ли поднести свѣчу, такъ какъ посѣтила насъ Царица Небесная, а не земная, и приняла къ заключенію, что повелѣвшій мнѣ (хотя я и не знаю кто), можетъ быть, знать, какамъ Царица придетъ, притомъ же «послушаніе не разсуждаетъ», и, рѣшивъ такимъ образомъ, я зажгла большую свѣчу отъ своего огарка и, полная трепета и какого-то необъяснимаго чувства, подошла къ Владычицѣ, низко поклонилась Ей и подала свѣчу. Но Владычица, мило-стиво посмотрѣвъ на меня, протянула свою ручку не къ свѣчѣ, а къ моему огарку, сказавъ какъ бы такъ: «Я приму твой огарокъ, сгорѣвшій въ твоихъ трудахъ для Меня, а съ этой (указавъ на большую свѣчу) еще и еще трудись!» Съ этими словами она благословила площадь, на которой предназначено было строить храмъ, а въ тѣ минуты стояли сестры обители; такимъ обра-

зомъ какъ бы благословила постройку, благословила и меня, убогую труженицу, на новые труды во славу имени Ея!!

Подкрѣпленная и утѣшенная такимъ чуднымъ и многознаменательнымъ видѣніемъ, Игуменія Таисія все болѣе и болѣе убѣждалась въ сознаниі, что Царицѣ Небесной угодно дѣло построения храма, что она приметъ и приметъ ея труды и что Сама же Владычица и поможетъ и благопоспѣшитъ ей. Она сознавала также, что многихъ трудовъ и скорбей потребууетъ отъ нея это дѣло, но никакіе труды не страшили ее и не сильны были ослабить ея усердія. Тою же осенью она приступила къ заготовкѣ матеріаловъ, необходимыхъ хотя на первый шагъ; однако, не смотря на всѣ старанія и усилія, въ теченіе всей зимы 1886—7 года могла приготовить лишь самую ничтожную часть. По смѣтѣ архитектора на всю постройку храма потребно было не менѣе полутора милліона кирпича,—а заготовлено было менѣе полутораста тысячъ, извести потребно было около 400.000 пудовъ,—а заготовлено не болѣе 10.000 пудовъ, и т. п.; деньгами же едва могла уберечь, при всѣхъ неотложныхъ монастырскихъ нуждахъ, лишь 240 р., между тѣмъ какъ вся стоимость постройки, по словамъ архитектора, превышала сто тысячъ.

Несмотря, однако, на всю полноту вѣры и твердость упованія, иногда ужасала ее мысль, откуда взять столько денегъ, чтобы осуществить всѣ эти архитектурскія проекты, планы и смѣты; такъ однажды разсматривая планы, она экспромтомъ написала нѣсколько строкъ стихотворенія, въ которыхъ излилась вся ея плачущая и страждущая дуна:

Планы, планы дорогіе
Какъ мнѣ васъ осуществить?

— Помогите жъ мнѣ, родные
Божій храмъ соорудить!..
Ничего я не имѣю,
И гдѣ взять не знаю я,
Никого просить не смѣю,
Только, Господи, Тебя.
Знаешь Ты мои всѣ нужды,
Видишь множество скорбей;
Мои слезы пусть не чужды
Будутъ милости твоей!
Ты богатъ неистоцимо,
Милосердъ паче того,
Можешь Ты подать незримо
Рукой щедрой всѣмъ и все.
Не оставь меня Всесильный,
Самъ на помощь прійди,
Самъ всемошноу десницею
Храмъ себѣ сооруди!

Сколько въ этихъ строкахъ вѣры во всемогущество Божіе и преданности Его милостивому промысленію, но въ то же время какъ ясно изображается состояніе бѣдняка, приступающаго къ начатію великаго дѣла, требующаго большихъ затратъ, при полномъ отсутствіи средствъ, при неимѣніи и въ будущемъ ни на кого никакой надежды въ помощи, кромѣ единого Бога!

Когда съ наступленіемъ весны 1887 года Игуменія Таисія явилась къ Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Исидору съ прошеніемъ о разрѣшеніи постройки храма, причемъ представила и смѣту потребнаго и количество имѣющагося матеріала, опытный архипастырь, хотя и сочувствовалъ необходимости дѣла и усердію строительницы, но, предусматривая трудность дѣла, предъ каковымъ задумываются люди съ достаточными средствами, а не только вовсе безъ нихъ. ска-

заль ей: «а гдѣ же средства? Нужно подождать пока они накопятся, и тогда уже приниматься за дѣло». На это она отвѣтила ему: «Владыка святой! Если намъ выжидать средствъ для сего, то ихъ никогда и не скопить изъ нашихъ скудныхъ доходовъ, едва достаточныхъ на содержаніе сестеръ. Между тѣмъ болѣе просторный храмъ — существенная нужда обители, въ виду большого стеченія богомольцевъ. Вѣдь срока постройки Вы, вѣроятно, не ограничите, и не взыщете за медленность ея. Вы только благословите насъ, а мы готовы трудиться, сколько силы позволяютъ, мы вѣруемъ, что, за Ваше Архипастырское благословеніе и святая молитвы, Господь поможетъ намъ во славу имени Своего!» И вотъ съ благословенія великаго іерарха русской Церкви дѣло началось, Господу споспѣшествующу.

Еще въ самомъ началѣ его, какъ бы въ подкрѣпленіе вѣры и упованія немощныхъ духомъ строительницъ, премилосердый Господь явилъ очевидное Свое о нихъ промышленіе.

Вмѣстѣ съ прочими матеріалами заготовлялись и плитные, какъ то: цоколь для фундамента, плита для карнизовъ и для прокладки въ колоннахъ между кирпичами, ступени для лѣстницъ и т. п. Всѣ эти предметы добывались сестрами-сборщицами въ С.-Петербургской губерніи, на плитныхъ ломкахъ въ Путиловѣ, Черной Шальдихѣ и др. мѣстностяхъ, откуда доставлялись водою по Маріинской системѣ въ р. Шексну, гдѣ и выгружались на берегъ, въ ближайшемъ разстояніи отъ обители, куда потомъ и возились зимнимъ путемъ лошадьми. Одинъ благочестивый купецъ гор. Пошехонья Влад. Лук. Расторгуевъ бесплатно доставлялъ обители весь этотъ матеріалъ на своихъ судахъ, возвращавшихся по осени изъ Петербурга, по сбытѣ тамъ своихъ това-

ровъ. Въ тотъ годъ, о которомъ мы говоримъ, лодки его почему то запоздали до поздней осени, отплывъ изъ Петербурга уже въ началѣ ноября. На пути застигли ихъ морозы и заградили путь образовавшимся льдомъ. Застигнутые такимъ образомъ на пути, многіе изъ судовъ, даже пустые, останавливались на зимовку, гдѣ пришлось: суда же Расторгуева, нагруженные тяжелымъ плитнымъ товаромъ, шли своимъ путемъ безъ особаго затрудненія, пробиваясь по немногу между льдинами, начинавшими сплавиваться въ одну массу; такъ достигли они берега, назначеннаго для выгрузки, при селѣ Козьмодемьянскѣ, откуда до монастыря зимнимъ путемъ не болѣе 8-ми верстъ. вмѣсто того, чтобы послать въ монастырь извѣстіе о прибытіи плиты и требовать народъ для скорѣйшей выгрузки ея (въ виду охраненія самага судна), старый приказчикъ В. Л. со всѣми рабочими, доцманами — всѣ пришли сами въ обитель, чтобы отслужить благодарственный молебенъ Царицѣ Небесной, за такое необычайное благополучное плаваніе, что всѣ они единогласно приписывали промыслу Божію. Когда, послѣ сего, возвратились они къ судамъ, въ сопровожденіи сестеръ и нанятыхъ выгрузчиковъ, то къ удивленію своему увидѣли, что рѣка совсѣмъ уже стала, суда окружены сплошнымъ твердымъ льдомъ, такъ что и рабочіе избавлены были отъ труда для выгрузки плиты на крутой берегъ, поднимать ее блоками на мосткахъ, а выгружали ее прямо изъ судна на ледъ. Слухъ объ этомъ распространился по всей окрестности; всѣ признавали въ немъ милосердіе Божіе къ Леушинской обители.

Для самой же обители. это обстоятельство имѣло громадное значеніе въ дѣлѣ постройки храма. Если бы плита не пришла осенью, то не могла бы быть вывезена зимнимъ путемъ; а лѣтомъ это и вовсе немыслимо;

за неимѣніемъ же плиты нельзя было бы приготовить дѣло къ совершенію закладки храма въ этотъ годъ.

Но вотъ, помощью Царицы Небесной, съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора, въ 14-й день мѣсяца іюня 1887 года, Новгородскимъ викаріемъ, преосвященнымъ Анастасіемъ, епископомъ Старорусскимъ, совершена была закладка сего храма во имя «Похвалы Богородицы» (празднуемой св. Церковью въ 5-ю субботу В. Поста), съ предѣлами во имя св. Ахристратига Михаила и проч. силъ безплотныхъ, и святителя Николая. Не смотря на проливной дождь, бывшій наканунѣ и въ самый день закладки,— народа было болѣе 8-ми тысячъ. Всѣ монастырскія гостиницы, кельи сестеръ (уступленные ими на то время), всѣ нежилыя постройки: сѣновалы, гумны, сараи, все было переполнено народомъ. Обитель, какъ бы забывши на то время свою собственную скудость, всему этому множеству народа предлагала свою посильно-гостепріимную трапезу: на улицѣ были устроены котлы, въ которыхъ варились щи; тутъ же на сколоченныхъ изъ теса столахъ не убирались ломти хлѣба и кувшины кваса.

Преосвященный Анастасій желалъ осмотрѣть все монастырское зданіе и хозяйство, предложилъ игуменіи показать все это. Когда, осмотрѣвъ все, находившееся въ оградѣ обители, вышли они изъ нея въ южныя ворота, по дорогѣ къ лѣсу, но на пути безпрестанно попадались имъ группы народа, отдохавшаго подъ открытымъ небомъ. Остановился владыка и, обернувшись лицомъ къ обители, сосредоточенно и долго смотрѣлъ на нее; потомъ произнесъ: «да, матушка, процвѣла ваша пустыня, процвѣтетъ и еще и будетъ бо древо веліе, подъ сѣнію котораго много мысленныхъ птенцовъ прию-

тятся и спасутся. Благодарите Бога, избравшаго Васъ осуществить великую идею Своего промысла о семь краѣ. Сила Вожія въ немощахъ нашихъ да совершится! Много потребовалось бы времени, чтобы описать всѣ подробности пребыванія Владыки въ монастырѣ (это описано отдѣльно въ Отчетѣ о «посѣщеніи Леушинскаго монастыря преосвященнымъ Анастасіемъ»). Мы ограничимся сими приведенными словами владыки, какое впечатлѣніе вынесъ онъ изъ этого посѣщенія и о степени того духовнаго роста, котораго уже въ то время достигла Леушинская обитель.

Проводивъ дорогого гостя, труженицы-инокини вернулись снова къ своимъ дѣламъ. Возможно ли описать всѣ скорби и труды настоятельницы, на плечи которой ложилась вся тяжесть громадной постройки съ ея безконечными расходами. Грунтъ земли оказался на столько слабымъ, что вмѣсто 3-хъ аршинъ глубины пришлось копать рвы въ 6 ар. глубины и въ 4 ар. ширины и бутить сплошно камнемъ булыжникомъ, чтобы стѣны храма всецѣло стояли на камнѣ, не касаясь земли. Для этого требовалось 130 куб. саж. камня, котораго вблизи обители не находилось вовсе, а пришлось добывать за 15 верстъ и далѣе съ того берега рѣки Шексны. Попробовали сначала сами сестры собирать его тамъ въ груды, чтобы весной сплавлять на лодкахъ по возможности ближе къ обители, на сколько позволить весенній разливъ; но и этотъ способъ оказался безуспѣшнымъ, по причинѣ кратковременности этихъ разливовъ и продолжительности нагрузки, сплавки и выгрузки камня. Оставалось только покупать и притомъ весьма дорогою цѣною отъ 25 до 30 р. за кубикъ. Ни извести, ни глины годной для выдѣлки кирпича, ни даже песку-хрящу вблизи не оказывалось. Все приходи-

лось покупать, причемъ не такъ дорого оплачивался матеріаль, сколько доставка его; такъ напримѣръ, известь негашеная возилась за 150 верстѣ изъ села Волока Кирилловскаго уѣзда зимнимъ путемъ лошадьми по 19 и 20 коп. съ пуда. Кирпичъ скупался по разнымъ мѣстамъ и по разнымъ цѣнамъ, съ доставкою на мѣсто обходился по 18 р. и болѣе за тысячу. Чтобы не задержать работы кладчиковъ храма, приходилось иногда подвозить его и въ самую рабочую пору, въ сѣнокосъ и платить дороже. Казалось бы, какими средствами оплачивать все это? Гдѣ найти ихъ въ такомъ количествѣ, въ такія тяжелыя для всѣхъ времена, когда въ народѣ только и слышатся жалобы на бѣдность и недостатки!

Но вотъ трудятся сестры сборщицы, собирая гроши христороубцевъ, удѣляющихъ свои вдовичьи лепты на «построеніе храма Божія».

Трудятся и другія сестры-труженицы; въ облегченіе наемнаго труда сами подвозятъ съ рѣки часть матеріаловъ для постройки, подвозятъ тесъ для лабазовъ, убираютъ мусоръ и т. п. Трудятся юныя послушницы-пѣвчія, пишутъ иконостасъ и другія иконы для строящагося храма, чему предусмотрительно заранѣе были обучены настоятельницею сначала дома, въ обители, а потомъ для усовершенствованія и въ С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ, куда опредѣлить ихъ ей стоило тоже немалого труда. Трудятся и другія сестры-руководѣльницы, приготовляя нужное для новаго храма—облаченія, одежды, золотомъ шьютъ оплечья, воздухи, хоругви и проч.

Трудится, наконецъ, и сама настоятельница, игуменія Таисія, ѣздитъ по городамъ и селеніямъ, прося о помощи, собирая подаянія. Чтобы не терять времени днемъ, ѣздитъ ночью въ своемъ простомъ монастырѣ-

скомъ экипажѣ, въ сопровожденіи одной изъ сестеръ, замѣняющей кучера. Ни мракъ ночи, ни непогода, ни непосильный трудъ, ничто не останавливаетъ труженицу самоотверженно рѣшившуюся пожертвовать и самую жизнь, если бы понадобилось, для такого великаго дѣла, во славу великаго имени Божія.

Не говоря о столицѣ, въ которой она была неоднократно для своей цѣли, и которая всѣхъ добрѣе и милостивѣе относилась къ ея слезамъ и просьбамъ, она посѣтила всѣ ближайшіе къ обители города: Устюжну, Весьегонскъ, Пошехонье, Мологу, Рыбинскъ, Ярославль, обходя всѣхъ благотворителей, могущихъ помочь ея дѣлу. Можно ли перечислить всѣ трудности, и даже опасности, которымъ подвергалась она. Если и вообще подвигъ сборщицы, понятный только испытавшимъ его, тяжелъ и для каждаго, то не тѣмъ ли болѣе для личности болѣе интеллигентной и непривычной къ нему. Кромѣ физическихъ трудностей, сколько нравственной борьбы, страданій и томленій? А затѣмъ: сколько укоризнъ, сколько колкостей и насмѣшекъ, сколько обидныхъ словъ и упрековъ придется выслушать бѣдной сборщицѣ! Къ тому же, какія нынѣ подаянія и жертвы: «всѣмъ самимъ до себя», у всякаго свое горе и нужды! Такими-то горькими скорбями и трудами добыта вся сумма свыше ста тысячъ, потраченная на постройку храма. Изъ этой суммы болѣе крупными подаяніями получены лишь 14 тысячъ:

Отъ одного благотворителя . . .	3.000 р.
» двухъ по одной тысячѣ . . .	2.000 »
» 12-ти человекъ по 500 р. . .	6.000 »
» 30-ти человекъ по 100 р. . .	3.000 »
<hr/>	
Что и составить . . .	14.000 р.

Вся же остальная сумма собрана мелкими подаяніями, и новоосуженный храмъ есть чисто трудовая свѣча передъ Богомъ. Милосердіемъ Богоматери скоро очистился онъ и отъ всякихъ долговъ, какъ чистъ отъ малѣйшихъ недоразумѣній, не только отъ какой-либо запутанности дѣлъ, что нерѣдко случается и при большихъ средствахъ и капиталахъ. По свидѣтельству видѣвшихъ храмъ архитекторовъ, всѣхъ понимающихъ людей, сложенъ онъ безукоризненно исправно и вполне тщательно. Во все время его 5-ти-лѣтней стройки, нигдѣ не оказывалось ни малѣйшей трещины, ни посадки, и къ удивленію самихъ рабочихъ, несмотря на 20-ти саженную высоту купола, ни одинъ изъ мастеровъ не только не пострадалъ какимъ-либо образомъ, но даже пальца не поранилъ, что по словамъ ихъ случается весьма рѣдко. Благословеніе Пречистой видимо споспѣшествовало дѣлу и охраняло его.

1890 года сентября 8-го, въ день Рождества Богородицы, было совершено поднятіе крестовъ на купола храма. Для сего прибылъ изъ Петербурга Невской Лавры намѣстникъ о. Архимандритъ Исаія, по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора.

Кто можетъ высказать всю неземную радость труженицъ-храмоздательницъ, наконецъ увидѣвшихъ вѣнецъ своихъ тяжелыхъ и многолѣтнихъ трудовъ?! Да и для постороннихъ всѣхъ по истинѣ величественно, чудно было это священное торжество! Несмотря на осеннюю пору погода была прекрасная, небо голубое. Народа были тысячи. Послѣ Божественной литургіи, совершенной «соборнѣ» о. Архимандритомъ Исаіею, предшествуемые крестнымъ ходомъ, при колокольномъ звонѣ, при стройномъ пѣніи 50 инокинями-пѣвчими тропаря: «Спаси, Господи, люди Твоя!» — два причетника въ бѣ-

лыхъ стихаряхъ вынесли на плечахъ святой крестъ, приготовленный изъ красной мѣди, вызолоченный черезъ огонь для главнаго купола. За крестомъ шли два діакона съ кадильницами, а за ними 12 священниковъ, всѣ въ бѣлыхъ облаченіяхъ, точно по числу 12 апостоловъ, собравшихся сами собою, безъ предварительнаго приглашенія на это торжество. Смиранный почтенный о. Архимандритъ заключалъ шествіе. Умиленный и какъ бы удивленный взоръ его, орошенный слезою, устремленъ былъ на храмъ, и какъ будто вѣщаль ему: «Откуда взялось ты, святое жилище Великаго Царя, среди здѣшнихъ дремучихъ лѣсовъ!»! Когда по совершеніи всего обряда крестъ, окропленный св. водою, стали поднимать на воздухъ, по пропѣтіи показаннаго въ уставѣ, пѣвчія торжественно и громко запѣли: «Свѣтися, свѣтися, Новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія!» не только всѣ сестры, но и все множество народа, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, рыдало вслухъ. Какое чувство вызывало эти слезы? Горю здѣсь не было мѣста; а радость была достояніемъ инокинь; но и народъ видимо раздѣлялъ ее; казалось у всѣхъ было одно и то же и на умѣ и въ сердцѣ: «что это творится въ такой глухой пустынь! Дивна дѣла Твоя, Господи!»!

И вотъ, миновалъ уже годъ со времени этого духовнаго празднества. Въ теченіе этого времени храмъ отдѣланъ внутри; т. е. оштукатуренъ, сдѣланы въ немъ печи, полы, рамы, двери, поставленъ иконостасъ. Иконы, какъ въ иконостасѣ, такъ и по стѣнамъ написаны самими сестрами обители, именно пѣвчими.

Эти юныя дѣвицы, украшающія Церковь Божію стройнымъ пѣніемъ, украсили ее и святыми иконами, написанными художественно. Обратимъ же вниманіе на

это обстоятельство; всѣ иконописицы—простыя крестьянскія дѣвушки, не только чуждыя всякой образованности и уточенности вкуса, но и незнакомыя прежде съ держаніемъ карандаша въ рукѣ. Какъ умудрились онѣ въ этомъ изящномъ искусствѣ? А ученіе ихъ было не десятки лѣтъ, какъ посвящаютъ ему другіе, а всего лишь около 3-хъ лѣтъ. Но скажетъ кто, что поэтому и иконы написаны неудовлетворительно; на это мы отвѣтимъ словами писанія: «прииди и виждь!» Всякій приходившій и видѣвшій (а ихъ было множество) отходилъ въ изумленіи и если не догадался отнести это къ помощи свынне, то приписывалъ таланту иконописицъ или чему угодно, а достоинства письма не отвергалъ никто. Мы же, при которыхъ и черезъ которыхъ протекла вся эта исторія и обученія и усовершенствованія и написанія, какъ очевидныя свидѣтели всего, повторимъ свое слово: «Дивна дѣла Твоя, Господи, яко изъ устъ младенцевъ и ссущихъ совершилъ если хвалу»! Кромѣ означенныхъ иконъ своего писанія, въ храмѣ имѣются слѣдующія достопримѣчательныя святыя иконы:

1) Высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Исидоромъ данная въ благословеніе на начало постройки храма икона св. и чудотворца Николая въ серебряной позлащенной ризѣ, копія съ чудотворной иконы сего святителя, находящейся близъ города Уфы въ селѣ Березовѣ.

2) Икона Успенія Божіей Матери, писанная на доскѣ изъ раки, въ которой почивалъ преподобный печерскій, писанная іеромонахомъ иконописцемъ Кіево-Печерской Лавры, по заказу настоятельницы игуменіи Таисіи. Эта святая икона помѣщена надъ царскими вратами главнаго придѣла и опускается и поднимается на блокахъ.

3) Икона Тихвинской Божьей Матери, копія съ чудотворной иконы, находящейся въ Тихвинѣ; весьма стариннаго писъма—болѣе 200 лѣтъ. Въ задней сторонѣ доски вдѣлана какаѣ-то святыня, а какаѣ именно за давностію лѣтъ опредѣлить не могутъ. Она прикрыта ветхимъ шелковымъ лоскутомъ и запечатана. Икона въ серебряной позлащенной ризѣ стоимостью въ 800 р. Какъ икона, такъ и риза на нее пожертвованы купеческими дѣвицами г. С.-Петербурга Глафирою и Ольгою Маковкиными.

4) Икона св. Архистратига Михаила въ позлащенномъ кіотѣ, изъ кабинета въ Бозѣ почившей Императрицы Маріи Александровны, дана обители Высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Исидоромъ.

5) Копія съ чудотворной иконы св. Праведнаго Симеона Богопріимца, находящейся въ Великомъ Новгородѣ въ Покровскомъ Звѣриномъ монастырѣ. На ней золотомъ шитая риза, украшенная жемчугомъ и камнями,—работа сестеръ Леушинскаго монастыря.

6) Икона святителя Тихона Задонскаго, писанная въ Задонскѣ, освященная на св. мощахъ святителя и оттуда привезенная въ даръ въ новый храмъ Рыбинскою купеческою вдовою А. Некрасовою.

7) Икона Божіей Матери, «Достойно есть», присланная со св. горы Аѳонской, по ходатайству о томъ настоятельницы игуменіи Таисіи.

8) Икона св. славнаго пророка и Предтечи Господня Іоанна, древней живописи, въ серебряной позлащенной ризѣ, и въ кіотѣ съ рѣзьбою. Пожертвована С.-Петербургскимъ купцомъ Сивохинымъ, игуменіи Таисіи, при поступленіи ея настоятельницею сего Предтеченскаго монастыря, коему и отдана ею въ даръ.

9) Икона Иверской Божіей Матери, копія съ чудотворной иконы Богородицко-Иверскаго Валдайскаго монастыря, находившаяся долгое время въ надвратной церкви сего монастыря и за ветхостію унесенная въ ризницу; затѣмъ, по просьбѣ игуменіи Таисіи, врученная ей для сего соборнаго храма бывшимъ настоятелемъ о. Архимандритомъ Леонидомъ. Икона эта поновлена и исправлена живописицами-сестрами обители и въ рѣзномъ стоячемъ кіотѣ честно поставлена съ одной стороны средней соборной колонны.

10) Икона св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, съ частицею св. мощей его. Прислана со св. горы Аѳонской.

11) Большой 5-ти аршинной высоты кипарисный крестъ съ распятіемъ на чугунной постановкѣ (горка съ изображеніемъ Адамовой головы) пожертвованъ однимъ благотворителемъ, С.-Петербуржскимъ купцомъ К. Крестъ этотъ помѣщенъ въ колоннѣ близъ лѣваго придѣла во имя святителя Николая, у сѣверной входной двери.

Кромѣ этихъ достопримѣчательныхъ св. иконъ, новый храмъ этотъ обогащенъ еще тремя частицами св. мощей великихъ новгородскихъ угодниковъ: святителейъ Іоанна и Евѳимія, архіепископовъ новгородскихъ и преподобнаго Антонія Римлянина. Соорудивъ св. храмъ сей, настоятельница игуменія Таисія была чрезвычайно озабочена мыслию приобрѣсть для него еще одно величайшее сокровище, св. мощи какого-либо угодника Божія. Побужденіемъ къ сему служило ей не одно только желаніе бѣльшаго благолѣпія самого храма, но и еще болѣе то обстоятельство, что храмъ этотъ, какъ и вся обитель, находится въ пустынной, глухой мѣстности, окруженной частью раскольниками, частью же, хотя и православными, но мало развитыми въ религіозныхъ по-

нятіяхъ, и, пожалуй, вовсе неимѣющими нагляднаго представленія о нетлѣнности св. мощей. Вслѣдствіе этого она приняла на себя ходатайство предъ Высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Исидоромъ о дарованіи какой бы то ни было части св. мощей въ собственность новосооруженнаго храма. Высокопреосвященнѣйшій Владыка призналъ ходатайство игуменіи Таисіи нелишеннымъ основанія и передалъ его на разсмотрѣніе Новгородскаго кафедральнаго Софійскаго собора, который какъ изобилующій св. мощами многихъ угодниковъ Божіихъ и могъ удѣлить таковыя. Новгородское духовенство, всегда сочувственно относившееся къ трудамъ и заботамъ игуменіи Таисіи, и на этотъ разъ отозвалось на ея просьбу и постановило удѣлить Леушинскому монастырю части св. мощей трехъ угодниковъ Божіихъ: святителей Новгородскихъ Іоанна и Евѳимія и преп. Антонія Римлянина.

Какою неземною радостію исполнилось сердце настоятельницы и всѣхъ сестеръ, когда полученъ былъ указъ о сей новой милости Божіей къ ихъ пустынной обители! Игуменія Таисія поспѣшила заказать раку деревянную съ рѣзьбою по сторонамъ и съ накладнымъ крестомъ на верху крышки ея. Верхняя доска раки дубовая, и на ней своими сестрами-живописицами написана икона трехъ сихъ угодниковъ Божіихъ. Въ срединѣ ея съ правой стороны сдѣлано отверстие, въ которомъ вдѣланъ серебрянный вызолоченный ковчегъ, въ коемъ и вложены три частицы св. мощей съ надписями надъ ними именъ угодниковъ Божіихъ. Рака эта помещена съ лѣвой стороны храма между двумя средними колоннами. Стоитъ она на возвышеніи (на двѣ ступени отъ полу): на верхней ступени на 4-хъ, рѣзанныхъ изъ липоваго дерева, колоннахъ. устроена такая же рѣзная

сѣнь, увѣнчанная посрединѣ большимъ рѣзнымъ же крестомъ и таковыми же малыми по угламъ надъ колоннами. На потолкѣ съ внутренней стороны сѣни изображено свѣтло-голубое небо, усыпанное звѣздами, а посрединѣ изображеніе Св. Духа, въ видѣ голубя, окруженнаго солнцеобразными лучами. Сѣнь эта украшается балдахиномъ изъ красной шелковой матеріи, по которой своими сестрами-мастерицами золотомъ напечатанъ рисунокъ. Въ канунъ дня освященія храма, 7-го сентября, совпавшій съ днемъ памяти одного изъ сихъ святыхъ, святителя Іоанна, ковчегъ этотъ былъ привезенъ изъ Новгорода каедральнымъ протоіереемъ В. Орнатскимъ въ Леушинскій монастырь; за 10 верстъ отъ монастыря на пароходной пристани «Ворки» святыня эта была встрѣчена архіепископомъ Іоанномъ со множествомъ духовенства и народа. По совершеніи молебнаго пѣнія, св. мощи торжественно были несены съ крестнымъ ходомъ при неумолкаемомъ пѣніи, 10 верстъ до обители. За три версты предъ монастыремъ были встрѣчены другимъ крестнымъ ходомъ, вышедшимъ изъ обители во главѣ съ преосвященнымъ Мисаиломъ, епископомъ Орловскимъ, который, какъ уроженецъ здѣшней мѣстности (Череповецкаго уѣзда), поусердствовалъ принять участіе въ торжествѣ освященія столь величественнаго храма, дивными судьбами Божиими воздвигшагося въ такой глухой мѣстности, въ такой пустынной обители.

Съ противоположной стороны, между двумя правыми средними колоннами симметрично съ этою ракою помѣщена драгоценная плащаница, шитая золотомъ, на деревянной вызолоченной гробницѣ по сторонамъ кругомъ помѣщены 12 изображеній страстей Христовыхъ, начиная съ «Моленія о чашѣ» и до «Воскресенія Христа». Гробница эта обнесена чугуною рѣзною рѣ-

шеткою, стоитъ на возвышеніи (2 ступени отъ полу); на верхней ступени на 4-хъ, рѣзныхъ изъ липоваго дерева, колоннахъ устроена такая же рѣзная сѣнь, увѣнчанная посрединѣ большимъ рѣзнымъ же крестомъ и таковыми же малыми по угламъ надъ колоннами. На потолкѣ съ внутренней стороны сѣни изображено свѣтлоголубое небо, усыпанное звѣздами, а посрединѣ изображеніе Св. Духа, въ видѣ голубя, окруженнаго солнцеобразными лучами. Сѣнь эта украшается балдахиномъ изъ красной шелковой матеріи, по которой своими сестрами-мастерицами золотомъ напечатанъ рисунокъ.

И вотъ, наконецъ, Леушинская обитель праздновала и торжествовала столь знаменательное для нея событіе,—освященіе своего соборнаго храма, въ созиданіи котораго она такъ много потрудилась! Какъ бы въ воздаяніе за ея труды эти, и самое торжество освященія происходитъ не обычно простымъ порядкомъ чина освященія, а совершается оно тремя святителями, изъ разныхъ епархій, изъ разныхъ концовъ Богохранимой нашей Руси! Кто скликалъ васъ, святители Божіи! Кто возвѣстилъ вамъ о совершающемся въ глухой безвѣстной пустынѣ нашей. «Днесъ благодать Святаго Духа нась собра», а мы, «вземши крестъ» понесенныхъ нами въ храмозданіи скорбей, уже не уныло, но дерзновенно и весело глаголемъ: «Осанна въ вышнихъ! благословенны вы, собравшіяся во имя Господне! Благословенъ грядый жити въ храмъ семъ Господь! Осанна въ вышнихъ! И слышимъ его вѣщающа намъ: «Днесъ спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамль есть»!

«Гдѣ бы имѣлъ, Господи, свѣтъ Твой возсіати,—токмо на сѣдяще во тьмѣ», какъ было въ здѣшнемъ краѣ, до возникновенія въ немъ монастыря.

Подъ впечатлѣніемъ всего совершившагося въ построеніи и освященіи сего величественнаго и грандіознаго храма Божія, что признавалось всѣми за чудо Божіе, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, игуменія Таисія, исполненная чувствъ глубокой благодарности къ Господу и Его Пречистой Матери, однажды сидя у окна своей кельи и любуясь святымъ храмомъ, какъ своимъ многоболѣзненнымъ дѣтищемъ, отъ избытка умиленнаго сердца написала слѣдующее стихотвореніе:

Откуда взялось ты, святое селенье
Великаго Бога и славы Царя?!
Чьей силой могучей и чьимъ повелѣньемъ
Тобой возсіяла здѣсь свѣта заря?!
Скажи намъ, повѣдай!—въ пустынь безлюдной
Среди непроходныхъ, дремучихъ лѣсовъ,
Въ твоей красотѣ столь Божественно чудной
Какъ ты явилась, святыня вѣковъ?!
Сокровищъ ли міра владѣтель счастливый
Щедро изсыпалъ богатство свое?
Иль повелитель могучею сплою
Все преклонилъ въ созиданье твое?!
— Богатства не знаютъ дщери пустыни,
Сокровище ихъ—одна нищета;
Молитва и вѣра,—вотъ мощная сила,
Которой склонили онѣ небеса!
И Тотъ, чьему слову покорна вселенна,
Кто движетъ мплліонами горныхъ міровъ,
Чья воля святая сильна, неизмѣнна,
Тотъ Самъ преклонился къ молитвѣ рабовъ,
И Духомъ Владычнымъ имъ силы вдохнулись,
Онѣ въ Немъ надежду и крѣпость нашли;
И зову Господню онѣ повиннулись,—
— Со сборной сумою по міру пошли.
Но не богатства, не крупныя жертвы
Посыпались въ сумки тѣ,—нѣтъ, никогда!
Однѣ лишь вдовичьи убогія лепты

Туда опускала усердья рука!
И, сила Всесильнаго дивно свершалась
Въ немощахъ слабыхъ сосудовъ Своихъ;
И Богу Великому храмъ созидала
Лишь вѣра великая труженицъ сихъ!..
На камнѣ сей вѣры, молитвой обрытомъ,
Слезой орошенномъ любви ихъ святой—
— Стою я, небесною славой облитый,
Крестами увѣнчанъ, златою главой!
Въ крестахъ моихъ свѣтлыхъ, я крестъ ихъ
страданій
Торжественно, славно на небо вознесъ;
А въ небѣ готово для нихъ воздаянье,
Гдѣ нѣтъ уже скорби, ни горя, ни слезъ!
О! радуйтесь, дщери пустыни священной,
Въ трудахъ храмозданья понесшія крестъ!
За трудъ вашъ настанетъ для васъ часть без-
цѣнный,
И въ храмѣ небесномъ вы узрите свѣтъ!

ГЛАВА IX.

Успенскій скитъ.

Съ противоположной стороны отъ дороги, ведущей въ Леушинскій монастырь отъ рѣки Шексны, далѣе въ глубь лѣса на разстояніи 1½ верстъ отъ обители, среди сосновой рощи, на возвышенности, спускающейся внизъ къ ручью,—уединенно и мирно расположенъ небольшой скитокъ съ церковью во имя Успенія Богоматери, Церковь эта домовая; посрединѣ корпуса, съ обѣихъ сторонъ ея помѣщаются кельи сестеръ съ трапезою и кухнею для нихъ. Съ западной стороны, противъ выходныхъ церковныхъ две-

рей, пересѣкая коридоръ, находится дверь на кладбище, въ которомъ по правой сторонѣ погребаютъ сестеръ монастыря, а по лѣвой мѣстныхъ прихожанъ его. Кромѣ этого церковнаго корпуса, въ скиту имѣются еще и другія кельи, построенныя отдѣльными домиками, и нѣсколько поодаль—домикъ для священника. Основаніе этого скита произошло слѣдующимъ образомъ.

Когда по благословенію Божию стала расширяться Леушинская обитель, число сестеръ умножилось, устроились разныя мастерскія и училища, развилось хозяйство, съ этимъ вмѣстѣ стала расширяться и дѣятельность самой обители, т. е. ея насельницъ и увеличилось число посѣщающихъ ее богомольцевъ,—игуменія Таисія, желая предоставить старицамъ обители, а также и вообще ревнующимъ о высшихъ подвигахъ монашеской жизни, болѣе удобствъ для достиженія сего послѣдняго и болѣе уединеннаго и сосредоточеннаго образа жизни, стала подумывать устроить не вдаль отъ обители, какъ бы небольшое отдѣленіе ея въ родѣ скита. Для сего она облюбовала мѣстечко на разстояніи не болѣе 1½ версты отъ монастыря, куда въ глубь лѣса часто ходили сестры за грибами и за ягодами по пролегавшей туда тропинкѣ въ сосновую рощицу, спускавшуюся скатомъ въ покось. Рѣшаясь привести въ исполненіе свое благочестивое желаніе, она обдумывала удобный къ тому путь и усердно просила Господа указать ей его. Нерѣдко въ лѣтнее время, улучивъ свободную минуту, она одна, или съ эконолкою монастыря Ѳ. П., нынѣ игуменіею Воронцовскаго Благовѣщенскаго монастыря, Псковской епархіи, уединялась въ эту рощу и предавалась обсужденію своего намѣренія, при семъ иногда прочитывала тамъ акаѳисты Царицы Небесной, моля Ее и на семъ уединенномъ мѣстѣ прославить Свое святое

имя. Такъ однажды Петровымъ постомъ прибылъ для исповѣди сестеръ бывшій ихъ духовникъ сосѣдняго Филиппо-Ирабскаго монастыря іеромонахъ Макарій. Повѣдавъ ему свою завѣтную мысль, игуменія Таисія пригласила его посѣтить и посмотреть намѣченное ею для основанія скита мѣстечко; достигнувъ его, оба они присѣли на находившійся тамъ обрубокъ, потолковали, полюбовались мѣстечкомъ и рѣшились на этомъ самомъ мѣстѣ, тайно отъ всѣхъ, отслужить молебень Царицѣ Небесной и предоставить Ея св. промыслу дальнѣйшее осуществленіе сего дѣла, если оно Ей благоугодно.

И вотъ какое обстоятельство послужило поводомъ къ основанію скита. Въ это же лѣто весь Череповецкій и смежные съ нимъ уѣзды подверглись эпидемической болѣзни. Новгородское губернское земство командировало санитарнаго врача г-на Маковецкаго въ г. Череповецъ и его окрестности, въ число которыхъ вошла и Леушинская обитель, для осмотра порядка и чистоты по гигиенической части. Г-нъ Маковецкій прибылъ въ Леушинскую обитель исполнить свою обязанность осмотра; въ это самое время на монастырскомъ кладбищѣ, окружающемъ Предтеченскую церковь, была вырыта свѣжая могила для новопреставленнаго прихожанина монастыря. Обозрѣвая кладбище, онъ увидѣлъ эту могилу наполненной водою и спросилъ у сопровождавшей его настоятельницы о причинѣ. Она въ свою очередь объяснила ему, что таковъ грунтъ земли этого кладбища, что всѣхъ погребаемыхъ приходится вмѣстѣ и топить въ водѣ, если не успѣютъ передъ самымъ погребеніемъ выкачать ее; къ сему же, прибавила она, во время дождливой и сырой погоды ощущается легкое зловоніе въ церкви при открытыхъ окнахъ. На основаніи этихъ данныхъ санитарный врачъ постано-

виль донести Новгородскому губернскому земству, что существующее при Леушинскомъ женскомъ монастырѣ кладбище, въ виду усмотрѣнныхъ имъ неудобствъ, должно быть закрыто, почему и просить Новгородское губернское земство озаботиться пріисканіемъ иного мѣста для помѣщенія означеннаго кладбища. На основаніи этого показанія губернское земство отнеслось къ мѣстному Череповецкому исправнику съ предписаніемъ: обратиться къ настоятельницѣ Леушинскаго монастыря съ просьбою, указать изъ принадлежащихъ монастырю владѣній мѣсто, съ болѣе удобнымъ и сухимъ грунтомъ для основанія на немъ монастырскаго кладбища, притомъ не ближе какъ на разстояніи одной версты отъ монастыря, въ виду санитарной предосторожности. Цѣлая комиссія въ составѣ 3-хъ лицъ: исправника, пристава мѣстнаго стана и о. благочиннаго прибыли въ Леушинскій монастырь для обмежеванія новаго кладбища по указанію настоятельницы и мѣстнаго монастырскаго священника. Игуменія Таисія предложила имъ осмотрѣть давно уже намѣченное ею мѣстечко, куда они въ составѣ вышешпоименованныхъ 5-ти человекъ, старшихъ сестеръ обители и двухъ работниковъ и отправились пѣшкомъ, ибо кромѣ тропинки, какъ уже сказано, дороги туда не было и ѣхать было невозможно. Когда, по приказанію прибывшихъ, работники вырыли нѣсколько ямъ на глубинѣ 3-хъ аршинъ, то грунтъ, песчаный и сухой, оказался настолько доброкачественнымъ, что дальнѣйшихъ испытаній не потребовалось, и вся комиссія признала: «предлагаемое мѣсто для кладбища вполне цѣлесообразнымъ и пригоднымъ». Это постановленіе отправлено было въ Новгородское губернское земство, которое не замедлило прислать игуменіи Таисіи бумагу о предоставленіи означеннаго мѣста подъ кладбище, причемъ она, а равно и

мѣстный священникъ должны были дать подписку: «отнынѣ не погребать покойниковъ на прежнемъ кладбищѣ, а ввести для сего въ употребленіе вновь отведенное мѣсто».

Такимъ образомъ, за упраздненіемъ прежняго монастырскаго кладбища, было открыто новое,—на томъ самомъ мѣстѣ, которое давно предназначалось насельницами Леушинской пустыни для прославленія великаго имени Божія.

Очевидно, что вновь открытое среди дикаго лѣса кладбище, не могло быть оставлено безъ присмотра и наблюденія, также какъ не могло оно существовать по крайней мѣрѣ безъ часовни, если не безъ церкви; но прежде всего надлежало проложить къ нему хорошую и удобную во всякое время года дорогу, вмѣсто существовавшей лишь малой тропинки черезъ чащу лѣса. Къ этому-то дѣлу и было приступлено прежде всего. Между тѣмъ отведенное для кладбища мѣсто огораживалось деревянною оградой и, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, строилась часовня, довольно просторная въ предусмотрѣніе того обстоятельства, чтобы со временемъ превратить ее въ церковь, пристроивъ алтарь, что теперь уже и совершено. По обѣимъ сторонамъ часовни ставились кельи для помѣщенія сестеръ, завѣдующихъ часовнею и кладбищемъ, а также необходимыя для нихъ кухня и трапеза. Согласно ожиданію игуменіи Таисіи, кромѣ этихъ сестеръ, водворившихся тутъ для выполненія означенныхъ обязанностей, нашлись и другія сестры, преимущественно изъ старицъ, пожелавшія поселиться въ этомъ пустынномъ и совершенно тихомъ пристанищѣ для бѣльшаго уединенія и безмолвія. Въ часовнѣ онѣ всѣ собирались утромъ и вечеромъ для совершенія своего молитвеннаго правила и прочтенія утрени, часовъ и вечерни по уставу Цер-

кви. Для сего были отдѣлены пять, шесть послушницъ пѣвчихъ, и образовалось полное отдѣленіе обители-скитъ, названный по храмовому празднику своему «Успенскій», а въ праздничные дни скитянки ходили къ литургіи въ монастырь. Скоро мѣсто это своимъ безмолвіемъ и уединеніемъ, вполне увѣнчавшее потребности монашескихъ стремленій привлекло и другихъ ревнительницъ спасенія и онѣ начали строить себѣ отдѣльныя маленькія кельи, въ видѣ домиковъ и скитъ сталъ населяться. Одно неудобство ощущалось всѣми, — это отсутствіе храма Божія. Особенно чувствовалось это лишеніе въ холодные зимніе и темные осенніе вечера, когда для старицъ хожденіе въ монастырь дѣлалось совершенно неудобнымъ. Въ виду этого игуменія Таисія вошла къ епархіальному начальству съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ей обратить часовню въ церковь, пристроивъ къ ней алтарь и сдѣлавъ нѣкоторыя перестройки. Одна изъ жительницъ скита старица Екатерина Харюкова, нынѣ умершая схимонахиня, пожертвовала на этотъ предметъ 400 р. денегъ. Съ разрѣшенія начальства была устроена церковь во имя Успенія Богоматери и въ томъ же 1891-мъ году, когда былъ освященъ соборный храмъ — послѣдовало освященіе и сего скитскаго храма мѣсяца октября въ 1-й день. По освященіи сего храма, игуменія Таисія пригласила сосѣдняго заштатнаго священника для совершенія въ немъ Богослуженій, обезпечивъ его помѣщеніемъ (въ отдѣльномъ домикѣ), жалованьемъ, содержаніемъ и отопленіемъ и прислугою. Въ такомъ видѣ и на такихъ условіяхъ существуетъ скитъ и по настоящее время. Онъ составляетъ излюбленное мѣсто всѣхъ сестеръ монастыря и богомольцевъ, которые поставляютъ себѣ священною обязанностію посѣтить скитъ и помолиться въ церкви.

Его посѣщали и всѣ святители, прїѣзжавшіе въ монастырь: въ 1887 году—преосвященный Анастасій, въ 1889 году преосвященный Владимірѣ; въ томъ же году преосвященный Мисаиль въ побывку свою на родину, не далеко отъ обители Леушинской, посѣтилъ и ее. Въ это время онъ пѣшкомъ ходилъ въ скитъ и кушалъ тамъ чай въ лѣсу подъ открытымъ небомъ. Въ 1891-мъ году посѣтили скитскій храмъ всѣ три святителя, совершавшіе освященіе монастырскаго соборнаго храма: преосвященный Ионаанъ Ярославскій, преосвященный Мисаиль Орловскій и преосвященный Антоній викарій Новгородскій; въ 1894 году посѣтилъ его и Высокопреосвященнѣйшій Θεогностъ, архіепископъ Новгородскій, затѣмъ преосвященный Гурій, почти каждый годъ посѣщающій Леушинскую обитель, навѣщаетъ и скитъ ея.

Съ теченіемъ времени скитъ значительно расширился прибавленіемъ въ немъ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ, кругомъ обнесенъ оградю.

ГЛАВА X.

Первоначальная келья и затѣмъ часовня, гдѣ находится копія чудотворной Соловецкой иконы Богоматери «Запечная» или «Хлѣбница», предъ которою совершается неусыпаемое чтеніе каноновъ и акаѳистовъ Богоматери.

 одному старичку крестьянину, ходившему неоднократно на богомолье въ Соловецкій монастырь, пришла мысль принести Леушинской обители въ даръ икону, копію съ Соловецкой чудотворной иконы Богоматери, явившейся святителю Фи-

лишу за печью, во время его послушничества тамъ въ хлѣбопекарнѣ, почему она и названа «Запечная» или «Хлѣбница».

Эта святая икона согласно просьбѣ жертвователя была честно встрѣчена монастырскимъ причтомъ и сестрами, версты за двѣ отъ обители, и сперва была поставлена въ храмъ для общаго поклоненія, а затѣмъ помѣщена въ хлѣбопекарнѣ. По распоряженію настоятельницы каждая изъ сестеръ, приходя за полученіемъ хлѣба, предварительно должна полагать три поклона предъ иконою Богоматери «Хлѣбницы» и принимать хлѣбъ какъ бы отъ руки Владычицы съ Ея благословенія и съ благодареніемъ. Каждый же вечеръ предъ нею обязательно читали, а иногда, по желанію и пѣли акаѳисты.

Въ началѣ устроенія обители, хлѣбопекарня помѣщалась въ нижнемъ этажѣ одного изъ деревянныхъ корпусовъ, а также и просфоро-пекарня, которая по разнымъ встрѣчавшимся неудобствамъ помѣщенія, нерѣдко переносилась изъ одного въ другое, но все же далеко неудовлетворительное. Это происходило отъ неустройства самой обители, нуждавшейся еще не только въ помѣщеніи, но и въ самомъ насущномъ хлѣбѣ, какъ сказано было выше. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, т. е. когда обитель Леушинская получила въ даръ копію съ чудотворной иконы «Хлѣбницы», хлѣбопекарню составляла одна небольшая келья въ два окна: тутъ приготовлялись и пеклись хлѣбы, тутъ и жили сестры-пекарки, тутъ же помѣщалась и эта святая икона, на которой нерѣдко отражались слѣды жара, постоянно накаляемой печи и другихъ неудобствъ. Это очень тревожило настоятельницу и заботило устройствомъ другого помѣщенія, но исполнить это за множествомъ дру-

гихъ неотложныхъ дѣлъ, было невозможно, тѣмъ болѣе, что приступая къ постройкѣ столь серьезныхъ и многосложныхъ помѣщеній, какъ хлѣбопекарня и просфорня, надлежало всесторонне обсудить ихъ удобство и цѣлесообразность. Завѣтною мыслию ея было устроить при хлѣбопекарнѣ отдѣльную комнатку для помѣщенія многочтимой иконы и устроить передъ нею неумолкаемое славословіе Владычицѣ. Осуществить эту мысль довелось ей не раньше какъ по окончаніи постройки соборнаго храма, въ теченіи 5-ти лѣтъ занимавшаго всѣ ея заботы и время. Въ 1890 г. храмъ былъ уже оконченъ вчернѣ; отъ постройки его осталась часть кирпича, извести и бутовой плиты; этими то остатками воспользовалась настоятельница для начала предполагаемаго зданія: сама составила ему планъ согласно своему проекту: въ верхнемъ этажѣ просфорня, а въ нижнемъ хлѣбопекарня, прибавивъ къ обѣимъ съ одной стороны кельи для сестеръ-пекарокъ, а съ другой стороны хлѣбопекарни келью для помѣщенія иконы «Запечной» Богоматери, гдѣ она и находилась въ теченіе 10 лѣтъ въ рѣзномъ стоячемъ кіотѣ, помѣщавшемся посрединѣ, окруженная съ обѣихъ сторонъ иконами Богоматери же разныхъ явленій. Тутъ неусыпно въ теченіе 10-ти лѣтъ денно и ношно читались каноны и акаѳисты Богоматери поочередно всѣми сестрами обители, такъ что согласно благоговѣйному желанію настоятельницы, святое имя Богоматери, неусыпной Заступницы и Покровительницы этой пустынной обители, не перестаетъ славословиться ни на одну минуту.

Обитель этимъ какъ бы воздастъ хотя частицу своего священнаго долга глубокой признательности и благодарности своей небесной Промыслительницѣ Преподобнословенной Дѣвѣ Царицѣ неба и земли. Въ эту келью

изъ хлѣбной сдѣлано небольшое отверстіе въ видѣ окна, въ которое принимаютъ хлѣбъ сестры, строго выполняя раньше установленный обычай: полагать земные поклоны предъ принятіемъ хлѣба, получая его какъ бы отъ руки самой Владычицы, питающей и милующей пустынницъ собравшихся и трудящихся во имя Ея.

Однако таковое неусыпаемое чтеніе предъ «Запечною» иконою Владычицы имѣло своего рода затрудненія, а именно: отъ жарко топившейся печи бывало душно въ маленькой келейкѣ, а иногда и угарно: отъ постоянно же отворяемой двери съ улицы, въ которую входили и выходили сестры, принимавшія хлѣбъ, трудно было избѣгнуть, чтобы не дуло вѣтромъ въ ноги. На эти неудобства нерѣдко указывали сестры, но устранить ихъ оказывалось невозможно иначе, какъ, устроить для сего чтенія отдѣльное помѣщеніе. И вотъ въ 1905-мъ остатками матеріаловъ отъ новосооруженнаго зимняго храма съ помощію Божіею выстроена другая Часовня съ западной стороны отъ лѣтняго Собора. Туда перенесена икона Богоматери «Запечной» со всѣми другими иконами Богоматери, гдѣ и совершается теперь это неусыпное чтеніе. Когда лѣтомъ 1906 года Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ по ежегодному обычаю посѣтилъ монастырь, то совершилъ освященіе этой Часовни іюля въ 10-й день. При этомъ онъ произнесъ замѣчательную фразу: «если бы я жилъ здѣсь въ монастырѣ, я не ушелъ бы отсюда изъ этой часовни,— какъ вождельнно славить Владычицу»!

Однако и съ перенесеніемъ иконы «Запечной» въ Часовню, келейка, въ которой совершалось это чтеніе, т. е. въ хлѣбной за печью не утратила своего существеннаго значенія—она осталась въ своемъ неприкосновенномъ видѣ и копія иконы «Запечной» Богоматери

по-прежнему царить въ ней. Передъ этой иконой по обычаю полагають три поклона, принимающіе хлѣбъ, такъ что и тутъ не перестаетъ славиться имя Богоматери, питательницы нашей.

ГЛАВА XI.

Приобрѣтеніе подворья въ городѣ Рыбинскѣ и на берегу рѣки Шексны.

Городъ Рыбинскъ, какъ извѣстно, составляетъ центръ хлѣбной торговли внутри Россіи; сюда приходятъ съ низовыхъ губерній тысячи баржей съ хлѣбными и другими продуктами, каковыя можно купить здѣсь своевременно и дешевле, чѣмъ гдѣ-либо. Обитель Леушинская, принадлежа къ Новгородской епархіи, составляетъ собою ея границу съ Ярославской, на разстояніи лишь отъ послѣдней 3 вер., а отъ Рыбинска болѣе 100 верстъ, а парходомъ по рѣкѣ Шекснѣ—лишь 12 часовъ пути. По многолюдности населенія и обширности хозяйства, эта близость ея къ городу Рыбинску составляетъ большое для нея удобство и громадное значеніе въ томъ отношеніи, что она имѣетъ возможность и хлѣбъ и всѣ харчевыя запасы пріобрѣтать прямо съ баржей, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ; но для того необходимо слѣдить за подходомъ баржей и за биржевыми цѣнами, что возможно только при личномъ наблюденіи. Для этого настоятельница, игуменія Таисія много хлопотала о пріобрѣтеніи хотя маленькаго уголка для собственной осѣдлости, что удалось ей впро-

чемъ, весьма не скоро и съ большимъ трудомъ. Тѣмъ не менѣе въ 1890 году съ разрѣшенія Ярославскаго архіепископа Іонаѳана и мѣстнаго Новгородскаго митрополита Исидора, а также и свѣтскихъ Рыбинскихъ властей, господиномъ помѣщикомъ Рыбинскимъ Михалковымъ было уступлено мѣсто для постройки Леушинскимъ монастыремъ подворья, т. е. домика для жительства сестеръ и часовни; часовня выстроена каменная, довольно просторная во имя преп. Сергія Радонежскаго, имя котораго носить жертвователь; домикъ же деревянный одноэтажный, состоящій изъ трехъ келій съ кухнею; при немъ большой сарай. Это помѣщеніе хотя и составляетъ большое благодѣяніе для обители, представляя ей возможность удобнѣйшаго и своевременнаго пріобрѣтенія пищевыхъ продуктовъ, равно и помѣщеніе для пріѣзда по закупкѣ и по другимъ дѣламъ, но было тутъ то затрудненіе, что ѣдущія изъ обители сестры зимнимъ путемъ лошадыми, не всегда могли поспѣвать за свѣтло въ городъ по независящимъ отъ нихъ причинамъ, такъ что иногда приходилось пріѣзжать въ Рыбинскъ весьма поздно, за полночь, когда и переправа черезъ Волгу на противоположную сторону города, гдѣ находилось подворье—не безопасна, и тѣмъ болѣе было небезопасно въ той довольно глухой въ зимнее время мѣстности отъ такъ называемыхъ «золоторотцевъ». Изъ предосторожности отъ всякой случайности, игуменія Таисія очень заботилась о пріобрѣтеніи хотя маленькаго мѣстечка въ самомъ городѣ Рыбинскѣ и искала даже купить, если бы пришлось не дорого. Но Богъ и тутъ не оставилъ своихъ рабынь!

Однажды пріѣхавъ въ Рыбинскъ, она услышала отъ жившихъ тамъ на подворьѣ сестеръ, что одна Рыбинская купеческая вдова, богатая домовладѣлица М. И. Бо-

ровкова хочет съ нею познакомиться и поговорить съ нею на счетъ подворья, такъ какъ она слышала, что игуменія ищетъ купить мѣстечко. Когда они увидѣлись, то г-жа Боровкова предложила ей цѣлое угловое мѣсто съ большимъ двухъ-этажнымъ домомъ, каменнымъ флигелемъ, съ отдѣльными для каждаго жильца погребами, сараями и общей прачешной и все это предложила не купить, а принять въ даръ отъ нея. Отъ такой неожиданности, а также и значительности самаго дара, игуменія пришла въ замѣшательство, какъ бы не вѣря слышанному, но Боровкова говорила серьезно и поставила ей лишь одно условіе, а именно: пока она—Боровкова жива, она будетъ состоять полною хозяйкой своего имѣнія, т. е. съ одной стороны получать всѣ доходы квартирантовъ и съ другой—производить всѣ оплаты домовыхъ и поземельныхъ и другихъ налоговъ; ремонтировать зданіе и вообще все, даже и флигель въ пять комнатъ предоставляемый ею тотчасъ же на жительство сестеръ. Она просила игуменію тотчасъ же приступить къ дѣлу ходатайства чрезъ Епархіальное начальство о Высочайшемъ разрѣшеніи принять даръ.

Понятно, что все это было скоро исполнено и въ 1890 году были совершены всѣ формальности и имѣніе г-жи Боровковой перешло въ собственность Леушинскаго монастыря.

Почти одновременно съ устройствомъ этого подворья въ городѣ Рыбинскѣ было устроено и другое—на берегу р. Шексны въ ближайшемъ 10-ти верстномъ разстояніи отъ обители, при деревнѣ «Борки». На этомъ мѣстѣ всегда приходилось насельницамъ Леушинской обители, состоящимъ не только изъ сестеръ, но и воспитанницъ и членовъ причта и другихъ, а равно и богомольцамъ, посѣщающимъ обитель, проѣзжая туда и

обратно, садиться и сходить съ парохода при посредствѣ небольшой лодочки, подплывая къ нему, что представлялось не только неудобнымъ, но и небезопаснымъ, особенно въ темныя осеннія ночи или при вѣтряной и ненастной погодѣ; при чемъ въ ожиданіи парохода необходимо было оставаться на берегу подъ открытымъ небомъ, нерѣдко подъ дождемъ и грозой. Чтобы предотвратить такія громадныя неудобства, вслѣдствіе каковыхъ и многіе изъ желающихъ посѣтить обитель, не могли исполнить этого, игуменія Таисія вошла въ соглашеніе съ хозяевами пароходства по рѣкѣ Шекснѣ г-ми Милютиными и К^о объ устройствѣ пароходной пристани, каковое взяла на средства и заботы монастыря, отъ нихъ же заручилась общаніемъ «обязательно приставать пароходу во время каждаго рейса къ пристани и стоять тутъ для слушанія молебнаго пѣнія «о плавающихъ и путешествующихъ», которое совершается нанятымъ отъ монастыря священникомъ и монастырскими пѣвчими. Для жительства сихъ послѣднихъ, а равно и для остановки богомольцевъ, ѣдущихъ и идущихъ въ монастырь и обратно,—выстроила на берегу Шексны, на землѣ, принадлежащей крестьянамъ мѣстной деревни «Борки» два дома, одинъ одноэтажный, а другой двухэтажный для пріѣзжающихъ.

Для пѣнія молебновъ на правой сторонѣ пристани отведена просторная, увѣшанная иконами каюта, надъ крышею которой красуется небольшая главка съ крестомъ; а надъ всею пристанью посрединѣ помѣщается большая доска, въ которой врѣзана икона Казанской Божіей Матери и сдѣлана надпись: «пристань Леушинскаго женскаго монастыря». Это учрежденіе оказывается благотѣльнымъ не только для самого монастыря, но и для всей окрестности, имѣющей общеніе съ парохо-

домъ и посредствомъ пристани для нагрузки и выгрузки своихъ товаровъ, что приняло сравнительно, гораздо большіе размѣры, чѣмъ прежде, а также представляетъ не малое удобство и для самой компаніи пароходства.

Съ этой пристани неоднократно совершались крестные ходы въ обитель съ привозимыми святынями, какъ напримѣръ на освященіе храма частицъ св. мощей и новаго колокола, везеннаго для обители людьми. Его Императорское Высочество, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, проѣзжая по р. Шекснѣ въ 1892 году для осмотра по Маріинской системѣ шлюзовъ, почтилъ посѣщеніемъ эту пристань, слушалъ молебствіе, причемъ самъ подпѣвалъ и очень одобрилъ пѣніе.

Въ противоположной каютѣ были выставлены рукодѣля монахинь и воспитанницъ, при чемъ одна изъ сихъ послѣднихъ (самая маленькая) говорила Его Высочеству стихи, нарочито по поводу его пріѣзда составленные. Настоятельница игуменія Таисія поднесла ему образъ Спасителя, риза на которомъ была вышита золотомъ сестрами обители; образъ поднесенъ былъ на подушкѣ, также вышитой золотомъ. Его Высочество много говорилъ съ настоятельницею, хвалилъ устройство и просвѣщенность обители и подарилъ игуменіи свой портретъ съ собственноручною надписью.

Пристань эта существуетъ понынѣ, принося обители, кромѣ вышеизложенныхъ удобствъ сообщенія и небольшой доходъ, получаемый отъ проѣзжающихъ путешественниковъ, полагающихъ свои лепты за молебны и свѣчи.

ГЛАВА XII.

Устройство подворья съ церковью и часовнею въ С.-Петербурѣ 1892—1894 г.

Обитель Леушинская созидалась и устраивалась по-немногу, но все лишь неусыпными трудами и заботами настоятельницы игуменіи Таисіи и сестеръ, слѣдовавшихъ ея примѣру. Много было имъ горя и слезъ; несмотря на всѣ самоотверженные труды, нужда, доходившая иногда до недостатка въ насущномъ хлѣбѣ, нерѣдко посѣщала ихъ. Сознаніе безвыходности изъ такого положенія по неимѣнію никакого обезпеченія, побуждала игуменію Таисію изыскивать какой-либо источникъ, который могъ бы давать хотя небольшой, но вѣрный и притомъ постоянный доходъ обители. Съ этою цѣлью она рѣшилась пріобрѣсти участокъ земли въ С.-Петербурѣ для постройки на немъ Церкви или по крайней мѣрѣ часовни, доходы съ которыхъ могли бы доставлять хотя малую поддержку обители. Заручившись благословеніемъ митрополита Исидора, она начала искать въ столицѣ мѣстечка, подходящаго для ея цѣли. Для всякаго, по обычнымъ человѣческимъ взглядамъ, эти поиски должны были казаться безумными: безъ гроша денегъ искать купить мѣсто въ столицѣ, но не таковъ взглядъ вѣры, взглядъ духовныхъ очей въ упованіи на помощь Божию, по писанному въ псалмѣ: «яко очи рабъ въ руку господій своихъ: тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедритъ ны». Много мѣстъ находилось въ продажѣ, но не было подходящаго; иное продавалось въ безлюдной улицѣ, иное съ неподходящимъ сосѣдствомъ, какъ напримѣръ,

близъ фабрикъ, казармъ и т. п., иное же при всѣхъ удобствахъ, но слишкомъ дорогое по цѣнѣ. Съ октября мѣсяца и до начала декабря всѣ самые усердные поиски игуменіи Таисіи не вѣнчались успѣхомъ. Многократно видѣвшись съ о. Протоіереемъ Іоанномъ (Кронштадтскимъ), безъ благословенія котораго она ничего не предпринимала, она жаловалась на безуспѣшность дѣла, а вслѣдствіе этого и на напрасное пребываніе свое въ столицѣ и большихъ затрудненіяхъ.

На это почтенный пастыръ отвѣчалъ ей: «трудись, трудись, Матушка, видно надо еще поработать—вѣдь счастье то не прямо съ неба валится, надо усиленно искать,—Господь не оставитъ,—утѣшитъ. И вотъ дѣйствительно Господь не замедлилъ послать утѣшеніе.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ около 8 ч. она узнала о продажѣ небольшого мѣста по Бассейной улицѣ на углу Знаменской и пошла туда. Разыскавъ его и вошедъ во дворъ, она увидѣла все пустопорожнее мѣсто между 2-мя огромными каменными домами и въ глубинѣ двора крошечный 2-хъ саженный деревянный флигель, уже покосившійся отъ ветхости, гдѣ и помѣщался хозяинъ, продавецъ мѣста И. Бобковъ. Поговоривъ съ нимъ, и узнавъ отъ него цѣну мѣста 9.000 руб., она направилась къ калиткѣ обратно; но хозяинъ остановилъ ее словами: «чтожъ Вы посмѣялись, что ли надо мной, выспросили и ничего не отвѣтивъ, уходите»? Она отвѣчала: «не до смѣха мнѣ, когда я всѣ ноги избила, ходивши въ поискахъ мѣста; а отвѣтить что же я могу теперь?—Вы просите 9 тысячъ, а у меня и 9-ти рублей нѣтъ.—«Такъ на что же Вамъ и мѣсто искать, если и 9-ти руб., нѣтъ.

«Мѣсто мнѣ нужно подъ Часовню, а если бы разрѣшили, такъ и подъ Церковь, а относительно средствъ,

вотъ я подумаю къ кому бы обратиться и попрошу; у самой же у меня, конечно нѣтъ ихъ, оттого я и не сказала вамъ ничего.— «Такъ такъ бы и говорили, возразилъ Бобковъ, для Церкви и цѣна другая будетъ, всякому дорого, чтобы на мѣстѣ его жительства храмъ Божій возсіялъ! Если станете строить Церковь, то я 1.000 р. спускаю, приготовляйте только 8.000 р. Да прошу Васъ поскорѣе дайте отвѣтъ, а то вѣдь у меня покупаютъ, могу покупателей лишиться». Упросивъ его дать мнѣ сроку не менѣе 10-ти дней, и подождать продавать въ другіе руки—мы разстались. «Съ какимъ то смѣшаннымъ чувствомъ и радости и страха и даже удивленія самой себѣ рассказывала потомъ игуменія Таисія, попелася я по панели, сама не зная куда идти и съ чего начать?—Восьми рублей нѣтъ въ карманѣ, а покупаю мѣсто въ 8.000 р.; въ умѣ ли я? спрашивала я себя.

Къ 7-ми часамъ вечера я пошла на Балтійскій вокзалъ, такъ какъ въ этотъ часъ о. Іоаннъ имѣлъ обычай возвращаться изъ Петербурга къ себѣ въ Кронштадтъ и мнѣ хотѣлось сообщить ему о своей находкѣ и принять благословеніе на изысканіе средствъ къ покупкѣ мѣста, если онъ одобритъ его. Онъ не только одобрилъ мѣсто, но сказалъ, что это самъ Богъ послалъ мнѣ, за мои труды и скорби на пользу обители. Онъ далъ мнѣ въ благословеніе на начинъ сбора двугривенный, пожелавъ, чтобы съ его легкой руки эти 20 коп. приобрѣли бы «20 сотенъ». И что же?—На другой день, отстоявъ въ Казанскомъ Соборѣ раннюю Литургію, я пошла къ своему знакомому купцу Д. К. Кононову, которому давно были извѣстны мои поиски мѣста и передала ему результатъ. Онъ тоже весьма одобрилъ мѣсто и сряду же далъ мнѣ на приобретеніе его 2.000 р. (20 сотенъ по слову о. Іоанна). Затѣмъ стала ходить

къ другимъ знакомымъ благодѣтелямъ и въ теченіе одной недѣли собрала около 6.000 р., съ которыми и пошла къ Бобкову, который и еще уступилъ мнѣ 300 р. на поминовеніе своихъ родныхъ, а оставшіеся 1.700 руб., обѣщаль подождать и мы приступили къ совершенію актовъ». Это было въ декабрѣ 1891 г.

По минованіи Рождественскихъ праздниковъ, въ среднихъ числахъ января слѣдующаго 1892 года игуменія Таисія снова прибыла въ Петербургъ хлопотать о разрѣшеніи постройки Подворья съ Церковью и заботясь о своевременной заготовкѣ матеріаловъ, подыскивала поставщиковъ и подрядчиковъ болѣе состоятельныхъ, которые могли бы дожидать расчетовъ, а не требовать ихъ немедленно. 16 мая послѣдовало окончательное разрѣшеніе постройки и она закипѣла.

Но не всѣ поставщики остались вѣрными своему слову въ отношеніи обожданія уплатъ. Такъ К. Стрелинъ, поставщикъ кирпича, выставивъ его на сумму 20.000 р. и получивъ изъ сего числа 12.500 р., подалъ на игуменію нотаріальное прошеніе «за неуплату долга». Бѣдная труженица игуменія, изстрадавшаяся, истомившаяся въ изысканіи средствъ на постройку, должна была предстать на ряду съ виновными въ камерѣ мирового судьи; благородная барышня по происхожденію, деликатная по воспитанію, уже не молодая и заслуженная игуменія съ наперстнымъ крестомъ должна была стать на ряду съ полупьяными, грубыми мужиками, которые насмѣшливо поглядывая на нее, перешептывались по ея адресу. Вѣроятно и самого судью потрясла эта картина, онъ мягко, почтительно обратился къ ней и, узнавъ суть дѣла, призналъ жалобу Стрелина несправедливою, на основаніи его собственной росписки, въ которой онъ брался доставлять кирпичъ съ «подо-

жданіемъ денегъ по мѣрѣ возможности», тѣмъ болѣе, что уже $\frac{2}{3}$ стоимости были уплачены, и даже представилъ игуменію обжаловать Стрелина. Подобный же случай былъ и съ другимъ мастеромъ: Кузнецъ Лоренцъ прислалъ своего компаньона Б. получить деньги въ суммѣ 50 р., которые и были ему вручены, въ чемъ онъ и оставилъ росписку, хотя былъ въ нетрезвомъ видѣ. Отдалъ ли онъ ихъ хозяину или нѣтъ, но только и Лоренцъ подалъ на игуменію мировому судѣ, но на этотъ разъ ее выручила росписка.

Много подобнаго рода затрудненій и недоразумѣній, а главное весьма много трудовъ по приобрѣтенію средствъ пришлось перенести труженицѣ—иногда она прямо теряла самообладаніе и даже физическія силы измѣняли ей. Вотъ какъ создалось это подворье. Наконецъ, къ осени 1894-го года оно было окончено и 21-го ноября освященъ главный его престолъ во имя Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Освященіе совершалъ Преосвященный Никандръ, бывшій викарій С.-Петербургской епархіи, Протоіерей Іоаннъ Кроншт., Ризничій Александро-Невской Лавры, — Архимандритъ Гедeonъ, Протоіерей Казанскаго Собора Николай Головинъ и многіе другіе священники и діаконы во главѣ съ Архидіакономъ Лаврскимъ Іоанномъ. Второй придѣлъ (малый) во имя великомученицы Варвары, освященъ того же года 11-го декабря Высокопреосв. Θεогностомъ, первымъ Архіепископомъ Новгородскимъ со времени отдѣленія Новгородской епархіи отъ Петербургской, послѣдовавшаго по смерти Исидора митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго. Вся стоимость подворья, состоявшаго изъ каменнаго 3-хъ этажнаго дома, выходящаго во дворъ пристройкою флигеля съ правой стороны, равнялась 87.000 р., въ томъ числѣ

и Церковь въ 3-мъ этажѣ, а внизу со входа Часовня, во второмъ этажѣ помѣщаются кельи для пріема поствитителей и начальствующихъ лицъ.

Со времени освященія храма уплата долговъ по постройкѣ, остававшихся въ размѣрѣ около 37.000 р. пошла сравнительно быстрѣе, такъ какъ всѣ доходы, послѣ мѣсячныхъ ревизій оныхъ, поступали въ уплату долговъ, за исключеніемъ содержанія сестеръ, живущихъ на подворьѣ и членовъ причта, сторожа и дворника, что тоже составляло не малую сумму.

Въ теченіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ, долги были всѣ уплачены и остатки отъ содержанія подворья стали поступать въ пользу обители, которая съ помощью таковыхъ и могла достраиваться и поправляться. И нынѣ доходы съ подворья составляютъ единственное подспорье Леушинскаго монастыря, и почти единственный источникъ его существованія.

ГЛАВА XIII.

Колокольня. Богадѣльня съ церковью и трапеза.

Нервая деревянная церковь, послужившая началомъ обители, имѣетъ надъ папертью колокольню съ четырьмя малыми пролетами, въ коихъ помѣстились колокола съ наибольшимъ изъ нихъ вѣсомъ въ 50 пудовъ. Большихъ колоколовъ нельзя было помѣстить туда и по узкости пролетовъ, и по неустойчивости самой колокольни, подъ опасеніемъ обременить ее непосильной тяжестью.

Въ девяностыхъ годахъ одинъ Петербургскій купецъ Д. Корсаковъ, посѣтивъ лѣтомъ Леушинскій монастырь возымѣлъ желаніе пожертвовать колоколь вѣсомъ не менѣе 200 пудовъ. Принявъ съ чувствомъ искренней благодарности этотъ даръ, обитель принуждена была временно повѣсить его на перекладину между столбами, нарочито для сего устроенную, такъ какъ на деревянную малую колокольню его нельзя было поднять. Игуменія давно уже заботилась о сооруженіи каменной колокольни; но были и еще болѣе необходимыя нужды, требовавшія удовлетворенія, да и съ другой стороны ей хотѣлось устроить колокольню по образцу древнихъ обителей, чтобы подъ нею посрединѣ были св. ворота, а съ обѣихъ сторонъ тянулись бы корпуса. Составивъ планъ въ такомъ видѣ, по правую сторону колокольни съ лицевой стороны былъ устроенъ большой въ 27 сажень длины корпусъ, въ нижнемъ этажѣ коего помѣщалась и понынѣ помѣщается сестринская трапезная въ 11 сажень длины, небольшимъ коридорчикомъ соединенная съ поварнею въ 6 сажень, а за нею двѣ кельи для помѣщенія поварокъ, трапезницъ и др. сестеръ, затѣмъ далѣе квасоварня и кельи для квасоварокъ и погребщицъ. Въ верхнемъ этажѣ надъ трапезою помѣщается богадѣльня для престарѣлыхъ сестеръ и кельи для присматривающихъ за богадѣльней и трудящихся въ ней сестеръ. По лѣвую сторону устроена богадѣленская церковь на верху, а внизу подъ нею ризница, книжная и иконная лавочка и келья для привратницы (у св. воротъ). Колокольня имѣетъ высоту 17 сажень съ 2-хъ ярусными пролетами. Тамъ теперь помѣщены всѣ колокола. Главный изъ нихъ въ 207 пудовъ, второй послѣ него въ 50 пудовъ, затѣмъ остальные меньше. Хотя и очень велика разниа между двумя первыми

колоколами, 207 и 50 пудовъ, но средняго между ними колокола и мыслить обитель не можетъ при нынѣшней дороговизнѣ всего. Рѣшеніе этого вопроса предоставлено времени.

ГЛАВА XIV.

Зимній соборный храмъ во имя Живоначальной Троицы съ придѣломъ въ память Преп. Серафима Саровскаго.

Зѣтній соборный храмъ по своему какъ внѣшнему, такъ и внутреннему благолѣшию составляетъ въ буквальномъ смыслѣ духовное украшеніе Леушинской обители. Особенно, когда, по минованіи 10 лѣтъ, послѣ просушки своей, онъ былъ отремонтированъ окончательно, внутреннія стѣны окрашены масляною краскою, а иконостасъ вызолоченъ по высеребряному фону, онъ сталъ настолько благолѣпенъ, что составилъ бы украшеніе даже столицы, не только пустынной обители. Сначала онъ не предназначался быть только лѣтнимъ храмомъ, потому и строился съ печами, изъ коихъ 6 печей въ самомъ храмѣ, въ его наружныхъ стѣнахъ, своими выступами давали видъ какъ бы колоннъ, и двумя печами въ алтаряхъ. Зимною отъ достаточнаго топленія печей, при томъ же и отъ троекратныхъ ежедневно Богослуженій, при спертотъ отъ закрытыхъ дверей воздухъ, неизбѣжны прѣль и копоть, что вредно отражается на позолотѣ и общей чистотѣ стѣнъ, и никакіе предохранительныя вентиляціи не даютъ возможности избѣжать сего. Извѣдавъ на опытѣ ка-

кихъ трудовъ и затратъ стоилъ этотъ храмъ и, желая по возможности уберечь его, игуменія Таисія рѣшилась построить для зимняго времени другой храмъ, каменный же хотя бы и не меньшій по вмѣстительности, но болѣе простой и доступный по цѣнности.

Испросивъ разрѣшеніе Епархіальнаго Начальства, она стала заготовлять матеріаль, и въ 1903-мъ году, посѣтившій обитель о. Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ совершилъ закладку сего храма. Работа шла быстро и успѣшно, такъ что къ іюлю мѣсяцу слѣдующаго года, когда о. Іоаннъ, по ежегодному обычаю снова посѣтилъ Леушинскую обитель обратнымъ путемъ съ родины, онъ могъ уже совершить подъемъ Креста на готовый и уже покрытый куполь, между тѣмъ крыша всего храма не была еще покрыта. Въ 1905-мъ году храмъ былъ онтукатуренъ внутри и законченъ, а въ 1906-мъ году мая въ 18-й день главный Придѣлъ его во имя Живоначальной Троицы былъ освященъ Высокопреосвященнымъ Гуриемъ, Архіепископомъ Новгородскимъ, прибывшимъ въ обитель какъ для сего освященія, такъ и для производства экзаменовъ въ учительской школѣ. Въ день Св. Троицы, 21-го мая Архіепископъ снова совершилъ богослуженіе въ этомъ храмѣ.

А въ іюль мѣсяцѣ въ день празднованія иконы Казанской Богоматери, прибывшій въ монастырь о. Протоіерей Іоаннъ Кронштадтскій освятилъ и придѣлъ сего храма во имя Преп. Серафима Саровскаго.

Иконостасъ здѣсь не золоченый и не предполагается быть золоченымъ; онъ прекрасной тонкой рѣзбы и для прочности и простоты его предположено выкрасить бѣлилами подъ мраморъ. Иконы, какъ въ иконостасѣ, такъ и повсемѣстно писаны своими сестрами-живописицами. Особенно замѣчательны по рѣдкости образъ надъ

Царскими вратами, изображающей Единственное значеніе Божественной Литургіи (копія съ запрестольной иконы св. горы Аоонской).

Этотъ храмъ по объему не менѣе лѣтяго; онъ длиною 18 сажень съ алтаремъ, а ширина 8 сажень съ однимъ, но очень большимъ куполомъ.

Постройка его въ Византійскомъ стилѣ очень красива. Стоимость его съ иконостасомъ немного превышаетъ 60 тысячъ рублей.

Общія заключительныя свѣдѣнія и уставъ монастыря.

Іоанно-Предтеченскій Первокласный Леушинскій женскій общежительный монастырь, получившій свое наименованіе отъ приписанной къ нему (прежде бывшею приходскою) Церкви сего имени, основанъ и утвержденъ Общиною Высочайшимъ на сіе соизволеніемъ Государя Императора Александра II въ 1875 году по представленію Св. Синода за № 225-мъ отъ 3 февраля 1874-го года, при начальницѣ общины Монахинѣ Сергіи.

Въ 1884 году опредѣленіемъ Св. Синода отъ 3-го сентября указомъ Консисторіи за № 4979-мъ возведенъ и утвержденъ «общежительнымъ монастыремъ» при Настоятельница Игуменіи Таисіи. А 1903 года Леушинскій монастырь возведенъ Св. Синодомъ на степень «первокласнаго монастыря» по прошенію настоятельницы игуменіи Таисіи.

Земли собственно при монастырѣ 1.898 десятинъ 1.263 сажени пахатной земли, сѣнокосной, лѣсной, осѣд-

лой, неудобной и проч. (изъ нихъ причта—217 десятинь 592 саж.).

Необходимо замѣтить, что почти все это количество земли за исключеніемъ лѣсныхъ дачъ составляло неудобную, преимущественно болотистую мѣстность; но частью трудами сестеръ, а преимущественно наемнымъ грудомъ покосы осушены повсемѣстно прорытыми канавами, разработаны новые покосы съ травосѣяніемъ, поднята и вновь раздѣлана земля для пашни и вообще грунтъ земли улучшенъ. Огороды монастыря находятся въ самомъ удовлетворительномъ состояніи. Къ началу 1907 года монастырь имѣлъ:

5 храмовъ (9 придѣловъ), кромѣ сего

2 храма въ скитахъ и

2 храма въ двухъ подворьяхъ.

Три часовни.

Жилыхъ построекъ въ монастырѣ (или корпусовъ съ кельями для сестеръ) 16.

За оградой имѣются зданія причта и гостиницы.

Хозяйственныхъ построекъ въ оградѣ монастырской и внѣ ея 22.

Уставъ монастыря общежительный, заключающійся въ томъ, что всѣ сестры имѣютъ общее келейное положеніе, общее молитвенное правило и проходятъ общія послушанія, которыя съ этою цѣлью и подраздѣляются слѣдующимъ порядкомъ. Для старицъ и немощныхъ—неусыпное чтеніе псалтири въ Скиту и акаѳистовъ Богоматери предъ Ея иконою въ обители. Рукодѣліе для нихъ пряденіе шерсти и льна.

Для пѣвчихъ и болѣе интеллигентнаго сословія разнаго рода рукодѣлія: живопись, чеканка, золотошвейство, золотильня по матѣриі, переплетная, шитье и проч.

А для сестеръ изъ простаго сословія работы хозяйственныя въ поляхъ, огородахъ и въ монастырѣ.

Содержаніе сестры получаютъ отъ обители: кельи, дрова, трапезу, кромѣ того по желанію утромъ и вечеромъ хлѣбъ къ чаю, (а на общихъ лѣтнихъ трудахъ и чай готовый), обувь. Характеръ внутренней жизни общежитія отличается миролюбіемъ, усердіемъ и любовью къ дѣлу и молитвѣ, чему и можно приписать благоустройство и процвѣтаніе обители.

